

СМЕНА

СИГНАЛЬНИЙ 5

1956

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Музыка Л. БАКАЛОВА.

Снежинки

ЛИРИЧЕСКИЙ ВАЛЬС

Темп вальса

Фото
Е. Умнов.

На строительстве Братской гидроэлектростанции работает много молодых специалистов. Среди них и мастер комсомольца Фарид Мухитринова, пользующийся особым уважением у строителей. И в с и м к: Фарид Мухитринова и знатный плотник Павел Удалов.
(Очерк о строительстве Братской ГЭС см. на стр. 4 и 5).

Прогляди все страны, объединяется

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Март. № 5. 1956 год.

Год
издания
33-й

НА ВЕЛИКЕ ДЕЛА ЗОВЕТ НАС ПАРТИЯ

Весь мир, все прогрессивное человечество с восторженным вниманием следит за работой XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. Миллионы сердец в эти дни были обращены к древнему Кремлю, где собрались лучшие сыны и дочери нашей Родины, а также гости — делегаты братских коммунистических и рабочих партий.

Наша славная советская Родина пришла к XX съезду в расцвете жизненных сил. Под руководством ленинского Центрального Комитета наша партия за годы после XIX съезда еще больше сплотила свои ряды, укрепила братский союз рабочего класса и колхозного крестьянства, монолитное единство и дружбу всех народов Советского Союза.

В отчетном докладе Центрального Комитета КПСС Никита Сергеевич Хрущев дал глубокий марксистско-ленинский анализ международного и внутреннего положения Советского Союза. В докладе намечены грандиозные задачи на будущее, ярко отразилось то чувство ниспровержения, тот дух творческих исканий, который привнесла деятельность ленинского Центрального Комитета, строящего свою работу на единственно правильном принципе коллективного руководства.

В области внутриполитической период между XIX и XX съездами был период медленного поступательного движения нашей страны по пути к коммунизму.

В области внешнеполитической этот период был периодом дальнейшего повышения роли и авторитета нашей страны на международной арене, усиления всего лагеря социализма и демократии и ослабления позиций капиталистического лагеря.

В отчетном докладе ЦК КПСС указывается, что главным направлением нашей политики является выход социализма за рамки одной страны и превращение его в мировую систему. При этом социалистическая система из года в год показывает свои решающие преимущества перед капитализмом, который неуклонно движется навстречу новым экономическим и социальным потрясениям. Как подчеркивается в отчетном докладе ЦК, за последние 26 лет Советский Союз, несмотря на огромные потери, понесенные от войны, увеличил промышленное производство более чем в 2 раза и сейчас по объему промышленной продукции стоит на втором месте в мире. В то же время США при исключительно благоприятных условиях смогли поднять производство немногим более чем в 2 раза.

А каких великих побед добились в строительстве новой жизни страны народной демократии! Не случайно международный лагерь социализма, отношения между странами которого строятся на основе братства и взаимной помощи, оказывает все возрастающее влияние на ход мировых событий. Не случайно многие страны Востока, сбросив с себя колониальное иго, с каждым годом все больше стремятся к дружбе с народом нашей страны. Из-под колониальной и полуколониальной зависимости на протяжении последних 10 лет освободилось более одного миллиарда двукот миллионов человек, или почти половина населения нашей планеты, товарищ Хрущев. Теперь уже в поряжках для поставлен вопрос о полной ликвидации позорной системы колониализма.

В результате этих исторических перевалов на международной арене создается обширная «зона мира», включающая в себя социалистические, так и не социалистические государства Европы и Азии. В этой «зоне мира» проживает почти полтора миллиарда человек, большинство населения нашей планеты.

Величайшие перспективы развития в докладе Николая Александровича Булганина о

В Президиуме XX съезда КПСС. В юнне справа — руководители делегаций братских коммунистических партий. На трибуне — Первый секретарь ЦК КПСС товарищ Н. С. Хрущев. Фото А. Егорова.

Директивах XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану. Руководствуясь заветами великого Ленина, Коммунистическая партия проявляет и проявляет постоянную заботу о преимущественном росте тяжелой промышленности, представляющей основу развития всех отраслей социалистической экономики, укрепления оборонной мощи нашей Родины, повышения благосостояния народа. Это генеральная линия нашей партии. Опираясь на тяжелую индустрию, советский народ борется за осуществление главной экономической задачи СССР — в исторически кратчайшие сроки догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения.

Заявляющая перспектива движения вперед намечена XX съездом Коммунистической партии во всех областях народного хозяйства, культурного строительства, коммунистического воспитания и быта.

В 1960 году наша промышленность должна дать 53 миллиона тонн чугуна, 68,3 миллиона тонн стали, 593 миллиона тонн угля, 135 миллионов тонн нефти, 320 миллиардов киловатт-часов электроэнергии, 200 тысяч металлорежущих станков, 650 тысяч автомобилей, 372 тысячи тракторов, 140 тысяч зерновых комбайнов, 1 630 тепловозов... Не менее грандиозные задачи поставлены и перед сельским хозяйством — довести в шестой пятилетке производство зерна до 11 миллиардов пудов, в 2 раза увеличить производство мяса, молока, яиц, овечьей шерсти, производство изделий народного потребления возрастает более чем в полтора раза. Один только хлопчатобумажный, шерстяной, льняной и шелковых тканей в последнем году шестой пятилетки будет выпущено 9 миллиардов 263 миллиона метров.

Новые мощные машины, станки и механизмы, автоматизация и механизация производства; могучая энергия атома, поставленная на службу мирному строительству; огни новых

грандиозных гидростанций и новые электро- и тепловые на дорогах страны; новые города и поселки; современная, передовая техника на полях и животноводческих фермах; богатства недр, пробужденные для пользы народа, и целинные просторы, распаханные для создания изобилия... Есть, где поработать нашей славной молодежи, есть, куда прилечь свои силы!

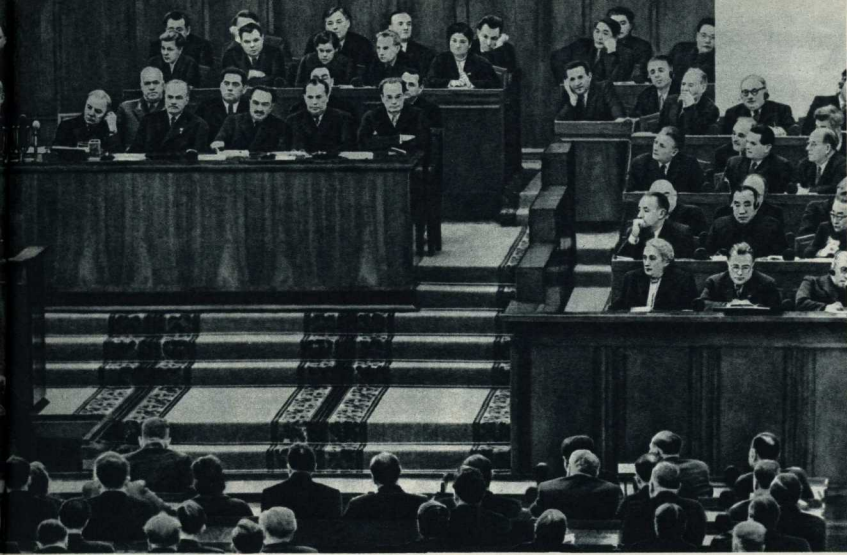
Вот только один пример.

Партия поставила задачу: в ближайшие 10 лет превратить Сибирь в крупнейшую базу Советского Союза по добыче угля и производству электроэнергии. В течение ближайших 2—3 пятилеток в Сибири должна быть создана третья мощная металлургическая база нашей страны.

Задача, невиданная по масштабу, нелегкая по выполнению. Но советская молодежь готова по зову партии преобразить сибирские просторы: корчевать тайгу, обдурять водные реки, взрывать алмазными скалами, закладывать фундаменты величественных сооружений.

С трибуны XX съезда партии Никита Сергеевич Хрущев выразил горячую благодарность комсомолу и молодежи, откликнувшимся на призыв партии об освоении целинных и залежных земель. 350 тысяч молодых патриотов своим самоотверженным трудом внесли любовь и уважение всего советского народа.

«Видимо, в новой пятилетке», — говорил товарищ Хрущев, — партия продвигает не раз обращаться к молодежи с подобными призывами. Нам предстоит и дальше осваивать новые районы, строить атомные, тепловые и гидроэлектростанции, заводы, железные дороги. Партия уверена, что наша славная молодежь и вперед будет горько откликаться на ее призывы. Молодежь знает, что ее труд на замечательных стройках коммунизма имеет величайшее значение не только для нашего, но и для грядущих поколений.

Советская молодежь готова с радостью отдать все силы, весь жар своей души и все знания великому делу строительства коммунистического общества.

Резервы — вот что таит в себе неисчислимы возможности нашего роста. О том, что собой представляет неиспользованные нами резервы, могут рассказать такие цифры.

На заводе «Азовсталь» решили однажды подсчитать, что дало бы повышение производительности труда рабочих мартиновских цехов только на один процент. Оказалось, что сталевары завода смогли бы за месяц выпустить дополнительно металла столько, сколько требуется для производства 80 мощных гусеничных тракторов и плугов к ним, 64 комбайнов и 144 самоходных косилка.

Вот что означает повышение производительности труда только на один процент только по одному заводу!

Годная партия работает о судьбах страны и о судьбе каждого советского человека. Величайшим гуманизмом проникнуты ее предначертания на шестую пятилетку: о сокращении рабочего дня и о жилищном строительстве, о долах для одиноких стариков и об интересах для школьников, о всеобщем среднем образовании и о культурной работе на селе... Особое внимание уделено подрастающему поколению, его благополучию, здоровью, воспитанию.

Много дел вперед, дел больших, серьезных и интересных. Для Комсомола, для всей советской молодежи открывается огромное поле деятельности, где можно приложить свою кипучую энергию, силы, знания.

Восемнадцатый с половиной миллионов комсомольцев, вся советская молодежь будет принимать самое активное участие в осуществлении планов шестой пятилетки. Комсомол возьмет шефство над строительством атомных электростанций и самой крупной в мире Братской ГЭС. Комсомольцы также горячо возьмутся за создание полесезонных лесных полос. Все свои силы, знания и энергию советская молодежь отдаст великому делу построения коммунизма в нашей стране.

За работу, друзья!

ДЕРЖАЙТЕ, ТВОРИТЕ, ДРУЗЬЯ!

Серферия КОТОВА,

бригадир шерстопрядильной фабрики имени М. И. Калинина, делегат XX съезда КПСС

Вероятно, я один из самых молодых делегатов съезда и по возрасту и по партийному стажу. Мне 25 лет, в партии я два года. А рядом со мной сидит та, кто скандалил на баррикадах Красной Пресни и брал штурмом Зимний дворец, кто неделями не спавшая с ночи, рубящая форсируя Сиваш, кто организовывал первые полкзавы, кто вел в атаку бойцов под Москвой и у Берлина, а после войны поднимал из руин города и села. Вот недавно от меня Григорий Васильевич Черепанов. Его партийный стаж — 51 год, он участник первой русской революции, испытан турками и ссылами, был одним из руководителей стачечного комитета на Лесных присадах. Для меня это только история: ведь Григорий Васильевич вступил в партию в тот год, когда только родился мой отец!

Но только слухом, но и сердцем воспринимаю-дла я доклады Никиты Сергеевича Хрущева и Николая Александровича Булганина, выступления делегатов съезда.

Партия и Советское правительство делают все, чтобы трудящиеся нашей страны жили лучше, счастливее. В решениях съезда намечено сделать еще больше для поднятия культурного уровня и материального благосостояния народа.

Эту задачу надо оправдать каждому из нас. Приняла я со съезда домой и задумалась: как дальше работать? Запала мне в память слова Никиты Сергеевича о том, что нужно неустanno улучшать организацию труда и производства, ликвидировать потери материальных средств и рабочего времени.

Перед нами, текстильщицами, тоже стоят большие задачи. В 1950 году мы произвели 155 миллионов метров шерстных тканей, в 1955 году — 251 миллион метров, а в 1960 году должны будем выпустить 363 миллиона метров.

Откуда же возьмется столько шерсти? Конечно, Директива XX съезда КПСС предусматривает увеличение валовой продукции шерсти в 1960 году на 82% по сравнению с 1955 годом. Но это на единственном источнике. Мы должны более по-хозяйски относиться к своему делу, использовать внутренние резервы производства.

Рассказку немного о нашей бригаде. Еще в 1953 году она выступила инициатором социального соревнования за комплексную экономию и полное использование внутренних резервов производства. Мы перестроили организацию рабочего места, провели частичную мо-

дернизацию оборудования. С помощью рационализаторов на наших машинах были установлены удобные интервалдвигатели, которые намного сократили брак «двойников» (двойных нитей), старые веретена заменили новыми, ролликовыми. Все это позволило нам увеличить скорость машины, а тем самым повысить выпуск пряжи примерно на пятсот килограммов в месяц по бригаде.

В середине декабря прошлого года мы создали опытный участок: каждая работница нашей бригады начала старое следить за обривностью нитей, фиксировать, сколько раз на том или ином веретене происходит обрыв.

По данным этих наблюдений мы выяснили причинные обязанности нитей и устранили эти причины. Эта работа, только еще начатая нами, уже дала неплохие результаты: мы добились снижения «двойников» — так мы называем кончик шерсти от оборвавшейся нити. А «дугары» — это наши бичи. Выбавать их вообще невозможно, как невозможно изменить обривность нитей совсем.

Но уменьшить число «дугаров», этих отходов производства, можно. По норме нам положено 5—5,5% «дугаров». Это значит, что из 1000 килограммов шерсти 50—55 килограммов идет в «дугары».

Мы не дню открыли съезда на нашем участке добились снижения количества «дугаров» на 0,1—0,15 процента. А ведь если мы сэкономим хотя бы на одну десятую долю процента «дугаров», то за счет этого выработаем ежемесячно на бригаду 30—35 килограммов дополнительно высококачественной пряжи, из которой можно сделать столько метров шерстной ткани, сколько не идет на 25 костюмов. Значит, в год одна бригада может одеть сзади плана 300 человек. А в цехе у нас 54 бригады, и если каждая из них даст на свои участки на одну десятую долю процента меньше «дугаров», то мы дополнительно даст стране в год около 23 тысяч килограммов пряжи, пригодной для изготовления 60 тысяч метров бостона или трико. Вот что означает одна десятая процента!

Партия требует от всех нас бдительной и ответственной и творческой инициативы, дерзайте, товарищи! Но при этом разумею свое будущее не открываться от земли, учитывать каждую мелочь, ибо из отдельных капелек рождается море, а из десятков и сотых долей процента — весьма крупные цифры с мириадами нулями. Да, мы должны будем в первую очередь так, чтобы можно было измерять с огромной точностью производственный целью!

Здесь, у знаменитого Падунского порога, будет воздвигнута плотина крупнейшей в мире Братской ГЭС.

У ПАДУНСКОГО ПОРОГА

Фото В. Темни.

Сейчас здесь шумят сосны. Но пройдет немного лет, и в этих местах разольются воды Братского моря. Ополо сорюна миллиона кубометров леса предстоит вырубить в тавинной чащобе. Самостоятельно трудятся электромонтажники, транспортисты, сучнорубы. На с ним и к: мастер лесоразработок И. Красовский (справа) дает задание электромонтажникам Фадору Мельникову и Юрию Исанову, приказавшим на стройку по комсомольским путникам.

Пассажирский поезд приходит на станцию «Братск-1» рано утром. Из вагонов на встречу морозному ветру выпрыгивают нетерпеливые пассажиры с чемоданами, рюкзаками, сумочками. И сразу утоптанная площадка около вросшего в стурбы деревянного домика вокзала заполняется шумной толпой...

Чуть в стороне рядами стоят грузовые машины. Водители в унтах, дубленых полушубках и лихо свинутых на затылок ушанках громко выкрикивают: — Кому у управление? — Кто на Падун, кто к изыскателям! — Кому в желдорстрой!

Шоферы помогают приезжим забраться в машины, и грузовики исчезают в тайге, которая подступает к самому полотну железной дороги.

На одной из машин едут братья Горчаковы. Старший, Леонид, считает себя бывшим гидростроителем. После службы в армии он работал на строительстве Камской ГЭС и получил там профессию электросварщика. Младший, Борис, лишь ступает на трудовой путь: он недавно окончил курсы мотористов. Братья-комсомольцы изъявили желание вместе работать на новой стройке. Их просьбу удовлетворили.

От железнодорожной станции до Братска проложено новое шоссе. Оно то вползает на перевал, то спускается в низину, ближе к Ангаре. После одного из подъе-

мов неожиданно открывается широкая долина, окруженная черными скалистыми горами. А вскоре показываются и первые постройки — добротные бревенчатые дома с разными наличниками и массивными ставнями, окованными фигурным железом. Кажется, эти строения сохранились еще с тех давних времен, когда смелые русские землепроходцы заложили здесь, на слинии Ангары и Оки, Братский острог. Древние постройки особенно заметны на фоне нового строительства. Братск растет не по дням, а по часам. Недавно он переведен в разряд городов областного подчинения.

Все трудоемкие работы на стройке механизированы. На снимке: погрузка гравия на самосвал.

Правда, капитальных зданий здесь не возводят. Город расширяется за счет временного, деревянного строительства. Ведь через несколько лет на месте города будет море. Братск — будущий центр крупного промышленного района в Приангарье — перенесут в другое место.

Сейчас в Братске разместились управление строительства ГЭС, которые научно-исследовательские экспедиции, изыскательских партий. За короткий срок на правом и левом берегах Ангары, у станции «Братск-1», выросли большие, благоустроенные рабочие поселки.

Строители Братской ГЭС с благодарностью называют имена смелых, предприимчивых людей, которые прокладывали первые дороги, ставили первые дома. Лучшими страницами в летопись стройки вписали комсомольцы Иркутской области, горячо откликнувшись на призыв — принять участие в сооружении высокогорной магистрали Иркутск — Братск.

Одной из первых пришла на стройку машинист Черемховского угольного бассейна Надежда Матвеева. Она возглавила бригаду, которая бетонировала фундаменты под железные мачты на глухом таежном участке. Вместе с ней трудятся отважные девушки из Черемхова: машинист Лидя Линкина, швея Раиса Касимова, откатчица Альбина Четверникова и многие другие.

Коллектив строительно-монтажного управления, сооружающего воздушную трассу, почти целиком состоит из комсомоловцев.

Немало трудностей выпало и на долю тех, кто первым пришел на левобережье, к самому Падуну. Люди, не считаясь со своей прежней профессией, делали то, что

было нужней. Шоферы, механики, инженеры валяли деревья, корчевали пни, рыли траншеи, котлованы.

Молодые инженеры Герман Миросов, Григорий Качанов, Олег Вещеткин, Николай Абрамов, Редий

Связисты бригады Геннадия Приданкина прокладывают телефонную линию в районе, где развиртуется строительство Братской гидроэлектростанции.

Ширев построил большой двухэтажный дом. Вместе со своими товарищами они справились в нем новоселье, переехав сюда из палаток. Этот дом в шутку прозвали «самостроем». В таких «самостроях» живут и другие инженеры и техники.

В начале этого года коллектив строителей Братской ГЭС уже насчитывал свыше семи тысяч рабочих, в том числе около полутора тысяч комсомоловцев. На важнейшую стройку шестой пятилетки продолжают стекаться люди со всех концов нашей необъятной страны.

Братья Горчаковы получили назначение в левобережное строительно-монтажное управление. Это большая честь: коллектив этого управления поведет glavное наступление на Ангару. Он будет возводить бетонную плотину гидроэлектростанции.

Ангара обладает непревзойденными гидроэнергетическими данными. Многоводный Байкал, в который вливаются свыше трехсот рек, питает лишь ее одну. От истока до устья Ангара пробегает почти 1 900 километров и падает на этом расстоянии на 378 метров.

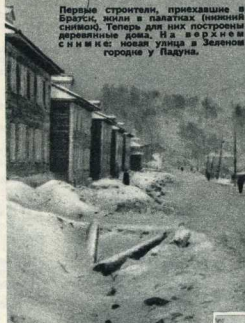
Большое падение и многоводность составляют основу энергетической мощи Ангары. Река способна вырабатывать в год до 68 миллиардов киловатт-часов электроэнергии, что превышает энергетические ресурсы Волги, Камы, Днепра и Дона, взятых вместе.

Освоение колоссальных мощностей великой сибирской реки — дело наших дней. Ныне на Ангаре полным ходом идут работы по сооружению каскада электростанций, которые преградят течение реки, заставят ее служить человеку.

Первая станция Ангарского каскада — Иркутская ГЭС мощностью в 660 тысяч киловатт — уже в этом году даст ток.

Директивами XX съезда КПСС к концу пятилетия предусмотрен выпуск первой очереди Братской ГЭС.

Проектная мощность этой гидроэлектростанции — 3,2 миллиона

Первые строители, приехавшие в Братск, жили в палатках (нижний снимок). Теперь для них построены деревянные дома. На верхнем снимке: новая улица в Зеленом городе у Падуны.

киловатт. Строители должны в условиях сурового сибирского климата перекрыть непокорную реку у знаменитого Падунского суржия пятнадцатиметровой плотиной, возвести здание ГЭС, смонтировать уникальные агрегаты.

Взглянув на карту, легко убедиться, что Братская ГЭС соорудится вдали от крупных населенных пунктов и промышленных центров. Поэтому не удивительно, что прежде, чем приступить к основным работам, строители должны создать мощную материально-техническую базу — воздвигнуть город в тайге, проложить сотни километров подводящих путей, построить заводы, оборудовать склады, гаражи...

Сейчас на том месте, где будет водохранилище, еще шумят ветвями вековые сосны. Много работы предстоит лесозаготовителям. Они вырубят здесь около сорока миллионов кубометров леса. Для обработки этого леса будет сооружен гигант лесопильный — Ново-Братский лесосомбинат.

Дешевая электроэнергия, которую будут вырабатывать ангарские гидроэлектростанции, преобладает в Восточную Сибирь, позволит еще быстрее двинуть вперед развитие индустрии этого богатейшего края.

Чего только нет в подземных кладовых Восточной Сибири! Железные и марганцевые руды, цветные металлы, каменный уголь, слюда, бокситы, гипс, графит. По количеству и разнообразию ископаемых Приангарье может сравниться разве только с Уралом.

Огромные запасы железной руды таят в себе недра Ангаро-Илимского месторождения. По подсчетам геологов, в одной из Рудной горе столько сырья, что выплавленного из него металла хватило бы на изготовление железной дороги, которой можно 60 раз опоясать земной шар.

С севера к этим неисчислимым залежам железной руды примыкает Туунгуский каменноугольный бассейн. Сочетание угля и руды создает естественные предпосылки для развития металлургической и химической промышленности.

Электрэнергия Иркутской и Братской ГЭС позволит полностью электрифицировать железные дороги Приангарья. Дешевый ток поступит в колхозы и совхозы, что позволит намного расширить сельскохозяйственное производство Восточной Сибири.

Неузнаваемой станет Ангара. Она будет плыть своим водным несколькими искусственными морями. Самое большое из них — Братское море — разольется по сибирской земле на 370 километров вдоль русла Ангары и на 350 километров вдоль ее притока Оки. Ангара станет сухоходной на всем протяжении; на славном Байкале появятся морские суда из северных морей, из далекой Балтики. Транспортная водная магистраль появится через Байкал, по Селенге, в Монголию.

Фронт работ у Падуны ширится с каждым днем. Ни суровые морозы, ни сурепная пурга — ничто не может остановить гидростроителей.

Звонят электротины. Падают вековые сосны. С каждым днем тайга все дальше и дальше отступает от Ангары, освобождая место новым жилым зданиям, предприятиям.

Братская ГЭС строится!

В. СМОРНОВ

Доброй славы пользуются на стройке бригады плотников, возглавляемые Сергеем Василиенко. Она систематически выполняет задания на 250 процентов. На снимке (слева) — направо: С. Василиенко и плотник Н. Беляев.

киловатт. Ежегодно здесь будет вырабатываться больше трети электроэнергии, которую способна дать вся Ангара.

...Перед Падунским порогом Ангара разливается ширь на много километров. Она как бы развернулась здесь во всю свою мощь, чтобы извергнуться на прегражденные ей путь гранитные гряды, а затем с неистовой силой устремилась в каменное Падунское ущелье.

Перед строителями Братской ГЭС, работающими в тесном сотрудничестве с учеными, конструкторами и колхозниками многих заводов страны, стоят такие задачи, которые еще никогда не встречались в практике гидростроения.

Решить их было бы невозможно без опыта Днепростроя, Волго-Дона и Кубышевгидростроя. Братская стройка — это новый могучий залет советской научно-тех-

Этот веселый ангордонист и девушка, среди которых он сидит, — участники кружка художественной самодеятельности клуба строителей Братской ГЭС. Двое им добровольно трудятся на своих участках, а вечером выступают на клубной сцене. И а с ним же: солистка хора инженер Никола Савина исполняет народную песню. Аномалирует ей на ангордоне инженер проектного отдела Феликс Медянов.

Ю ЛЬКА

Рассказ

1

На прошлой неделе у Юльки Мельниконой умерла мать.

Жила она при музее, в старинной приземистой перекладе с порожками куполом без крестов, со старыми ступенчатыми паперти. За окнами сошло задвинуло ярким светом дворик, огороженный железной оградой; под кустами сирени купались в пыли куры; на шоссе урчали автомашины. А возле Юльки, стоявшей у гроба, люди разговаривали вголос, входя и выходя из комнаты до, неприятно. Лишь давшая прильнула матери бабка Маланья, изнемая, выходящая, как прошептывая похны, жалостливо поглядывая на Юльку, вздыхала:

— Сиротинка моя, быльничка одинокая!

Чувство одиночества и стыжения особенно сильно завладело Юлькой на кладбище. Когда возвращалась домой кривыми, измощенными улочками и переулками, соседки и школьные подружки утешали ее. Бабка Маланья, крестная и талыха, советовала не поднимать гору, но Юлька шла, почти ничего не слыша, не замечая дороги, опираясь на чью-то руку.

Все эти годы, пока Юлька ходила в школу, мать работала в заводском музее, совмещая сразу три должности — кассира, сторожика и уборщицу. Еще вспоминались две дамки-голкинские торчалки тогда у Юльки на запылке — обегала она заставленные диковинными вещами углы и закулки музея. Но с той поры в ее памяти почти ничего не осталось. Позже, уже похоронив, — юсочка она посвоя скрученными кредитками — Юлька, став по обыкновению где-нибудь в сторожке, внимательно слушала и запоминала все, что объяснял посетителям экскурсовод Евгений Петровна.

Понес ее после похорон матери Юлька не находила себе места. Музей был закрыт; директор отдыхал на Кавказе, а Евгения Петровна уехала в Москву на совещание. Юлька часами просиживала на скамейке у ворот или бесцельно бродила по школьным подворотням по улицам. В эти дни она не переставала думать, как жить дальше. Ее теперь никто не удерживало в Раденске, и она решила уехать на Алтай. Ей казалось, что у нее должна начаться совершенно новая жизнь, и пусть первая работа, новая знакомства и привязанности — пусть все начинается с нового места.

С той мыслью она отправилась в райком комсомола. Девушка в толстых роговых очках сидела ее на потертый диван, спросила, сколько ей лет, какая у нее специальность. Ты-ах... Специалистка ты какая? Семнадцатидесяти год? — Девушка в очках задумчиво постукивала карандашом по столу, и Юлька сразу поняла, что замысел ее рухнул.

Из райкома она ушла расстроенная. Возвращаясь домой не хотелось. На Базарной площади она круто повернула к парикмахерской, где работала ее подружка Елена Зайцева.

Подруга встретила Юльку, как всегда, покровительственной улыбкой, усадила у окна. В парикмахерской сильно пахло одеколоном. Маланья работала тетя Удесина сидела южницами над первой голубой занавеской — пареня, а Елена, в белом халате, с завязками светлыми курдючками, ловко шаркала бритвой о ремеш.

Зайцева была старше Юльки, но они дружили. Юлька всегда восхищалась, когда видела подружку идущую на работу с маленьким чемоданчиком в руке, в модном платке со сточным воротником и карманчиками-гладешками. В душе она завидовала Елене и старалась во всем подражать ей.

Не успела она разговориться, как вошел клиент — рослый, статный сергент в сапогах

Рисунки Ю. Рануткина

с отгугнутыми голенищами. С подчеркнутой любезностью Елена спросила:

— Вас поберит или подстригет?

Сержант повертелся перед зеркалом, потрогал штепнику на скулах, прищелкнул пальцами:

— Омолодить, а то зарос, как партизан! И, ослупнувшись на Юльку, почему-то улыбнулся мягко и дружелюбно. Она тоже улыбнулась и вдруг вспомнила, как Елена учила ее обходительности с клиентами.

«С чужими вежливая, а отец ролной сам поуду мосье! — подумала она о подруге.

А Елена, усаживая сержанта в кресло, ворковала:

— Конечно, каждый — кузнец своего счастья. Я вот шлода сюда у окна, да и разматалось. Городской сад, в огнях, музыка играет, веселье кругом... Хорошо! Тетка Удесина все кинеша чтывает, на курсы кройки и шитья ходит. А зачем? Мы молодые, еще нарабатоемся! Мне все воо говорили, что с моей внешностью только ко спену. Я и рещила пенешить статъ. Да деселкое это дело! Пока пенешить станешь, все нервы испортятся. А себе же и вот мастер в парикмахерской. И ничего, довольная собой!

Разговаривая, Елена облизнавала пушковые каризные губы, коротко, будто невзначай, взглядывала то на сержанта, то на себя в зеркало.

Сержант несколько раз поворачивался к ней лицом, видимо, хотел что-то возразить, но сдерживался. В зеркале Юлька встретилась с ним взглядом; он смотрел, хмылялся, наморщив лоб, с таким выражением, словно заранее знал, что она не согласна с парикмахерской.

Велжико, с предпринимательской улыбкой Елена попросила сержанта сесть поближе и, заметив, что Юлька принула, обаяние подмигнула ей:

— Не очаживай, Юленка. Вот невчешь работать в парикмахерской ой, как замужем!

— Не то, совсем это не то! — аналгично ответила Юлька. — Я чего хочу? — Юлька специально серьезно, на всю жизнь. На целине земли бы поехать... А в парикмахерской не правится мне.

Елена удивленно оглянулась, и в этот миг ей стало ясно, что отныне ее внимание на подружку кончилось: Юлька становилась взрослой, самостоятельной.

— Молодец, девушка! Правильные мысли! — внезапно изменился в разговор сержант, поднимаясь с кресла.

Выбритый, посконечный, он казался еще выше, строине. Смуглое продолговатое лицо выражало одновременно смелость и добродушие; Юлька почувствовала себя как-то легко, свободно.

— А что, если вам и впрямую махнуть на Алтай? — протворил он после короткой паузы. — Туа трое наших демобилизованных уехали...

Юлька хотела рассказать, как ходила в райком комсомола, но не опередила Елену:

— Куда ей! Не взяли ее. Говорят, молодозельно.

Уходить сержанту явно не хотелось. Расплатившись, он постоял в дверях, закурил и снова заговорил с Юлькой:

— Знаете что? Идите-ка на стройку.

— А что строить?

— Городок для железнодорожников. Там люди нужны.

— А смугло? Водя и ничего не умею...

— А кто? — А смеет? Такая девушка все сможет!

Юлька засмеялась, попыщенная похвалой сержанта, и он, увлекшись, не скрывая радости, стал называть другие места, куда она могла бы поступить на работу. И выходило так, что ее всюду ждали.

Наконец сержант ушел. В око Юлька видела, как он остановился посреди улицы, покачал рукой. Прощаясь с Еленой, она раздумчиво сказала:

— Дорог в жизни много, и все разные. Даже в нашем Раденске. А вот какая моя, не знаю...

2

Рано утром к Юльке пришла бабка Маланья. Еще на ступеньках послышался ее старческий голос:

— Охо-хо, дела наши праведные!...

Покалуж, не было в Раденске хозяйки, которая не обралась было в трудную минуту к Маланье Аглюковой. Ей воручали присматривать за кучками, просили помочь в праздники на кухне, звали на свадьбы, приглашали зарпосто поедить за чайной чаш. Навешая Юльку, она ужасивалась на скрипящий стул, на котором облока сидела мать, и, отдышавшись, произносила:

— Жить, Юленька, может у каждого поита кубурьком, еводи ничуть ее не с того тонца.

Сегодня бабка пришла непринично строгой. Юлька сидела на подоконнике, бросила в распластное окно хлопные крошки: там, на дворе, слетая с куполов, облекая крыльями голубы.

— Съезь с подоконника, не малельня! — приказала бабка и поставила на стол започенный кушничек: — Вот молочко тебе. А ты, пооди, без матери отоаешь.

— Нет, бабушка, забвем?.. Не надо!

— Не худи, девка, обижаете старуку! — прикрикнула бабка и снова переставила кушничек в шкаф, где хранилась посуда.

Юлька стояла, опустив вечно, чуткая, насто-роженная, как зверек. На подоконнике и стеклах дрожали солнечные блики.

Тогда на девушку, бабка задумалась. Когда-то, давным-давно, она, Маланья Аглюкова, вот такая же молоденькая, только в лентях и дотматканной юбке, стояла перед фабричными воротами. Пришла она из деревни на заработки и тогда у проходной, испуганная и боязли-

ая, остановилась с сильно бьющимся сердцем: за воротами был неведомый, чужой мир... — Ах, господа, да когда ж то было! — вырвалось у бабки.

— Ольга не поняла, к чему относился ее слух. А бабка взглянула в окно, прислушалась, потом взяла с комода недозволенную шерстяную кофточку.

— Мить-то не закончила взыскать, сердешная! Матрешка была — что взять, что шить, что кушачить...

— Это она подарок мне готовила! — дрогнувшим голосом проговорила Юлия.

Они помолчали. Вдруг бабка схватила на верстушки было слезу, вытерла глаза. И тут Юлия поняла, что наступило самое главное в их разговоре. Она присела к столу, облокотилась.

Отложив кофточку, бабка прохаживалась. — Вот что, милая. Мать, помню, любила говорить: человек без дела — что пустой бонок. Скажи мне, как жизнь-то свою думаешь определять?

— Мамин вопрос! — внутренне напрыгала Юлия. — А вспоминаю, как перед смертью мать положила ослабевшую руку на ее голову, по-рыцарски зашептала: «Не оперилась ты у меня, доченька. Одна остаешься. Как будешь жить?»

— Ох, бабушка! — тоскливо воскликнула Юлия. — Мама хотела, чтоб в техникум и пошла. А теперь не знаю... Работать пойду.

— Работать? Это хорошо. А куда? — Хотела на службу уехать, да не берет. Ну, а Леска заплатит к себе зовет... А еще мужик на стройку горюшка.

С минуту у бабки недовольно шевелились морщины. Потом она встала, отодвинула от себя стул.

— Вот что, я тебе скажу, милая. Работать, конечно, можно. Только не всякое дело полюбишь, а без любви и радости не будет. На фабрику иди. Как мать. Я уже хлопотала там о тебе. Сегодня ж и ступай к этому... Как это? Ну, Гарбузенко!

Бабка ушла, захватив с собой кофточку, чтобы на досуге довязать рукава. А Юлия, оставшись одна, отыскала старое, в серую клетчатую платье, занялась шпикой — в нем она будет ходить на фабрику.

— Мама все столько раз говорила, что на фабрике у нее крылья выросли! — размышляла она. — Что ж, там работать интересно. В драмкружок зашла бы...

— В подполье Юлия шла по лифтовой лестнице, вдоль забора с нависшими над ними заплывшими ветвями, шла и думала о том, что вот этой самой дорожкой ходила когда-то на фабрику мать, а теперь будет ходить она.

В светлой, просторной комнате Юльку встретила пожилой бритоголовый мужчина.

— Проходи, дивчина, будь як дома.

Он сидел за столом, слушал кого-то по телефону и одновременно рассматривал вондешную Юльку догадалась, что это и есть самодельщик Гарбузенко, так как в Раденске, пожалуй, только он один и говорил по-украински, хотя жил тут и работал с неапатимитных времен.

Когда окончился телефонный разговор, она, робая и запявшая, объяснила, зачем пришла.

— А-а, дочка Мельняковской! — протянул Гарбузенко. — Чув, рассказывала бабка Маланья. Помнят на фабрике твою мамашу. Це я зараз тут, в кадрах, а когда она работала, я слесарь. Эх, а времени ж не бжесть! Значит, ты за маму матери пришла?

Внезапно Юлька ощутила, как к горлу подкатил удрученный комочек, и она расслапалась.

Гарбузенко закурил. Когда к нему впервые приходили молодые люди, он, беседа с ними, невольно прищипывал в уме, что получится из этой дивчины или парня со временем? Может, ткачиха, которой будет гордиться фабрика? Может, опытный мастер? Стоявшая перед ним девушка напоминала ему младшую дочь, кончившую ремесленное училище — тоже ряжеволосую, с такой же тонкой, подвальной шеей. Он обнял Юльку за плечи, ввел во двор и неторопливо начал рассказывать о фабрике, о том, как быстро растут на производстве люди.

— Так что не журишь! — ободряюще заключил он. — На фабрике не пропадешь, человек станешь.

Юлька уже успокоилась, ей пожелательно все начинало нравиться в этом дворе. Откуда

то из-за угла к многоэтажному зданию стали подходить то в одиночку, то группами работницы.

Она из женщины, с розовой косышкой на плечах, обгугив цветник, торопливо направилась к Гарбузенко.

— Здравствуйте, Василь Максимович!

— Добро здороньчак! — пожал ей руку Гарбузенко.

Лицо у подошедшей было черноватое, с открытой приятной улыбкой; Юлька показала, что где-то видела ее.

— Василь Максимович, — сказала женщина, — в воскресенье у нас с Никитой поволею. На Советской квартиру получим. Приходите с Галиной Ивановой.

Гарбузенко оживился:

— А горлышко будет?

— Да ведь без этого какое ж новоселье!

— Ну, тогда и я с жинкой буду!

Пока они разговаривали, Юлька все сильнее прижималась, где встречала эту женщину с розовой косышкой на плечах, но не могла вспомнить.

— Мария Владкишна. Чуда по такую? — сказала Гарбузенко, когда женщина отошла.

— Владкишна! — опытная многоэтапница. Четыр дивчат зарав обучает. Может, тебя пятую определят к ней.

Они были уже в проходной, возле старика, стоявшего у табельной доски с множеством круглых жестяных пометок. И только тут Юлька вспомнила... Как-то сидели они с Еленой в детском кинотеатре. На сцену вышла женщина с розовой косышкой на плечах и сказала: «Мы, ткачиха, одеваем школьница и солдата, шахтера и министра...» Потом Юлька видела портрет этой женщины в аллее, нависанной «Аллеей знатных».

«А в музее нет даже ее фотокарточки... Как же так?» — вдруг вспомнила Юлька и тут же решила, что как только вернется из Москвы Евгения Петровна, скажет ей о фотокарточке: ведь это, несомненно, упущение музея!

Домой Юлька шла берегом реки. Возле моста оравла мальчишек выхлопывала воду из лодки. Юлька прилегла под кустом и засмеялась на реку. «А музей-то у нас совсем вроде беспризорный!» — внезапно пришло ей в голову. Но точнее же она успокоилась: какое

ей дело до музея? В понедельник она встретится с Гарбузенко, и у нее начнется новая, самостоятельная жизнь.

3

Но в воскресенье все неожиданно сплуталось.

Утром во дворе появились мужчина в соломенной шляпе и женщина с зонтом от солнца. Они обошли дворик, постыли в раздумьи перед вагонеткой дровяного музея и ушли. Потом пришли две девушки в одинаковых цветастых платьях. С ними Юлька постояла у ворот, полузугала семечки. Проводил девушек, она обещала за мороженым, а когда вернулась, во дворе, под кустами сирени, расположились солдаты. Кто курил полужага, кто просто отдыхал в тени.

Юлька присела на скамейке у ворот. Кто-то занял о солдатских трудных дорогах. Тахо, смеха покочивалась, Юлька начала понаевать. Внезапно солдаты ушли, со двора послышалось:

— Чего мы сюда пришли, — в музей или песни шить?

— Выдать, музейных работников мыши съели!

В солдатских словах чувствовалась наместка, и Юлька показало, что это о ней шла разговор. «Несладко получается, — покусывала она губы. — Люди жгут. Открыть бы музей...» Из-за кустов сирени она видела, как один из солдат, быстро взбежав на паперть, подергал замок на двери, загнугав в юлькиную окошко, и громко закричал:

— Товарищи, обнаружены признаки жизни!

— Юлька вышла из-за кустов.

— Это вы? — бросился к ней сержант и, обрадованный, остановился. — Вот здорово! Что вы тут делаете?

Баллада о граните

— Я тут живу. То моя комната. А вы в музей пришли или буржуа сюда заехали?

— В музей, честное слово! — шуточно перекинулись соржанти.

Он принялся объяснять, как важно солдаты познакомиться с тем районом, где пролился их дубаба. — Понрави и все время убавился, стараясь загадать ей загадки.

Юлька глядела куда-то в сторону. Впервые ей приходится решать самостоятельно, как взоросла. Она сходила в комнату за ключом, открыла музей и с решимостью пригласила:

— Заходите, товарищи!

— В проходе, где висела доска с надписью «Природа», солдаты столпились. Юлька подошла к столбу, за которым прежде сидела мать, проваивая билеты, и как мать, притыкла. Висела доска: делались известе, потом разберется по музею. Сюбу, за тумой спитной, кто-то осматривал чужие дыны уток, гусей, куропаток и восклицал: «Ай да птиц, ай да зверь!» Как у нас в селе девают? Долговязый юркий солдат с навостренными глазами уселся обходить все отдели и теперь поворачивался среди товарищей то тут, то там. Его поминутно окликали: «Эй, Осмин, иди к нам! Эй, Оскин, гляди, какая пыльная мебель!»

«Гляжу, как на базаре! Разве так они подают что неважно?» — бормотала Юлька, наблюдая за солдатами.

Когда несколько человек задержались в том месте, где была представлена продукция местной промышленности, она не выдержала, прошлась по музею: что-то поправила на стенде, что-то переставила.

— Кирич? Зачем в музее кирич? — удивилась Ядуля.

— Продукция. Вырбатывают, вот и выставили.

Сняв платок, долговязый пожимал плечами в быстрых галках его бодилок, нахмурился: «Нашли чем удивлять людей!»

«Из нашего радевского кирпичи московское метро строи!» — звонко сказала Юлька.

«То тебе и кирич!» — присвистнул долговязый, и Юлька не поняла тему об образовании — услышанному или тому, что она заговорила.

Кивнув товарищам, сержант попросил ее: — Вы поменяли б мам, что к чему. А то бродите как в лесу.

— Хорошо, и попробую! — согласилась Юлька и повела их в отел «Природа».

— Итак, товарищи, сейчас мы познакомимся с историей Раденска и его окрестностей, — повторила она на ходу любимую фразу Евгения Петровича, к которой Юлька была так часто прибегала к экскурсантам. Но как только солдаты собрались в кружок и притыкли в ожидании, Юлька растерлась. Она стояла луновая от смущения, глядя себе под ноги.

— Да вы не стесняйтесь, начинайте! — ободрял ее сержант.

Растолков товарищам, вперед протянула долговязый Осмин, пошутила сказала Юлька:

— Тут весь наш завод. Не робейте. Мы народ такой — любим слушать. Так что просим товарищи... конечно, не иначе, как быть звать...

Юлька пошла устремленно вперед, взгляды сержанта с такой же просьбой и тотчас почувствовала, что ее покидает преставленная скванность. Она назвала себя и вдруг стала рассказывать о том, как они с матерью переселились в эту квартиру: мама стала часто приближаться, и ей предлагали работать в музее. В ту пору музей только-только открылся после войны, и было всего два отдела — природный и историч, а современный Юлька совсем не знала, когда приехала из Москвы на работу на фабрику Евгений Петрович. Мама ей очень много помогла... Вообще мама была самая обмыквенная, простая женщина. Но сколько она видела, сколько понимала! Можно сказать, что вся раденская жизнь прошла перед ее глазами. Правда, в последние годы она слишком переоценивала свою работу: послушать ее — так без музея современному человеку никак не обойтись! Но это не трудно понять. Ведь тут, в музее, среди множества больших событий и дел есть след и ее маленькой, скромной жизни...

Юлька поведала солдат через весь зал в дальний угол и показала фотографии первого в районе трактора. В толпе колхозников, вышедших встретить машину, стояла в белом платье и ее мама, тогда еще девушка, молодая и

застенчивая. Потом все перешло в другой конец зала и оставались у окна кирпичного завода. Мама тут, заметно поплаканная, а растегнутой фуфайке, грузила кирич в вагон, на котором было написано: «Раденск — строителям московского метро!» Перед макетом ткацкой фабрики Юлька задержалась: прищелкнула пальцами и поворнула — от лесоросского времени до наших дней. Мама здесь, где не сфотографирована, но зато ее имя названо в пожелтевшей от времени «Правде» в числе первых раденских мостостроичин. А в войну мама вместе с другими ткачихами собирала теплые вещи для фронтовичков.

Голос у Юльки был по-девичьи тонкий, неуверенный, но говорила она легко, без напряжения. Когда они прошли весь зал и оказались у выхода, Юлька спохватилась: не то говорила она, не так! Она даже не глянула глаз как Евгения Петровича Тотуписа, она умоляла, мысленно ругая себя за то, что влезала не за свое дело.

На выходе солдаты опять окружили Юльку, сержант пожал ей руку и, оттопырив, поблагодарил:

— Ну вот, выручили нас. От всего завода спасибо.

Юлька улыбалась благодарно и радостно, соваля, что та светлая несправедливая нищота, которая протянулась между ними при первом встрече в парикмахерской, не повралась — она повисла и дрожит, как паутинка на ветру.

Когда все вышли во двор, сержант залучил ее сказать:

— Как вы себя видите, была правдивая женщина. Мои старики тоже такой закалки. Юлька молча слушала. Он снова заговорил:

— Выходит, нашли вы свое призвание? Я очень рад. Хорошо рассказали!

Он заглянул ей в самые расказы о кажим-то злитыми бесовством. Юлька сказала: он хотел еще что-то сказать. Но тут его позвали солдаты, а перед ней, будто из-под земли, вырос Оскин. Заснулу руки в карманы и подергивая шею, точно жак воротник, он нервно заговорил.

— Кажется, я вас где-то встречал. Неужели вы нигде не бываете?

— Еще там, в музее, он старался стать впервые, первым следовал за Юлькой на новое место в так смотрел на нее, что она вся вспыхивала. Сейчас Оскин стал совсем другим: ровный, теловый и смотрел не на Юльку, а на кусты сирени. За воротами сержант подал команду строиться. На Юльку нахлынула непонятная тоска, и, сожалея, что солдаты уходят, она вдруг сказала Оскину:

— В следующее воскресенье, может, буду в городском саду.

— Я найду вас там! — сразу присянул Оскин и бросился за ворота.

— Он, что я надевала! — ужаснулась Юлька, озвучившая острем чужим лепесточной ошник. — Экскурсию провела не так, как Евгения Петровича... свидание назначила... Ой, мама, ой, родня! Неправильно я начинаю жить без тебя!

— Юлька, детка, что ты? — раздалось за ее спиной.

Из музея вышла бабка Маланья. Обняв девушку за плечи, она притянула ее к себе. Покоряясь ласке, Юлька прятала лицо в складках ее кофты.

— Ты чего, что случилось? — повторила бабка.

Они сели на ступеньки, и Юлька принялась рассказывать. Но бабка перебила ее:

— Из-за этого-то расстраиваться? Эка беда! Я ведь знала в музей, когда ты им объясняла, и все сказала. Правильно ты все сказала. Не так складно, как Евгения Петровича. Считай, первую экскурсию ты уже провела. Вот вернется Евгения Петровича, да директор придет. Помогу тебе, как быть с тобой. Учиться тебе, ягода, надобно.

А фабрика, бабушка? Я же с Гарбузенко договорилась! — воскликнула Юлька.

Бабка астала, закрыла музей и, всунув ключ в юлькиную руку, сказала:

— Возьми. Ты за него место матери отвачаешь. А фабрика тут твоя фуфайка. Юлька облебенно вздохнула. У нее было такое ощущение, будто она все эти дни после смерти матери буждала в густом незнакомом лесу, искала тропку и вот только сейчас нашла ее.

Грохнула взрыв — качнулись небеса, Над карьером пыль взметнулась тучей. Вздрыгнули окрестные леса, Эхо с гулом понеслось под кручи. Выпритнули из щели без труда, Подрыгали встрягивались деловито. Взмах — осколки с грохотом транеа! И сказала: — А камень хоть куда! Из него дворец сложить не стыдно. Помогала, цыгарку закурила.

Не спеша, со вкусом раскурила Подорыва впервые в жизни! — Динамит как скажем, аммониа, — Я их норор досконально знаю, И не первый год уже взрываю, Ничего вот в трескотный раз взрываю! Может статься, с год еще пройдет И меня назначат бригадиром. Разве знал тогда он, что над миром Тень уже военная встает И что через месяц средь болот Сам он по приказу командира Подорыва впервые в жизни! ДУТ Так и было: шумная работа, Шли враги в дыму, скажешь трохот стали. Крепко, насмерть русские стоили, Грудь на грудь сходились свет и тьма! А пока земля в опие дымит, Вексель в опие руки в чистоту.

В горах в Карелии асфальсты, Из-под снега изыскали гранит. Красный с черной жимлою гранит. Поренили воры и бандиты: Чуть народом вечно в строю жить, Пачкают из этого гранита В честь побед своих соорудят. Но советский не сломить народ! День пришел, и пробил час расплаты: В сорок палом русские солдаты У рейстага кончали полдны. В горах в Карелии сапор гвардейский Камениую глыбу увидал, Удивленно ахнул и сказал:

— Братцы, это ж наш гранит, карельский! Сын и этот камень добывал... Недавно мы только из над Москва, Стеклами сверкая на расвете. Во дворе играют шумно дети, Мимо мчит машин гудящий рой... Дом построен мирными руками, Зданию рядный придала вой. Красный дымом и плаком гранит, Что из плена вызволен бойцами. Прочен дом — столетия простоят. Мирный люд живет в его квартирах. То не просто дом — то символ мира, Мир же тверд, как этот вот гранит.

Дина ТЕРЕЩЕНКО

Утром

Утро солнцем разукрашено, Лес синеем адалеке, Будто это где-то в Кашино, Не в немецком городке. То же солнце, то же небо, И березы в серебре. И ворона с коркой хлеба Закружилась во дворе. Все как будто так и надо: И березы и зима. Не слышны же я не рада? Вспросишь — знаю и сама — Да для души для русской мамо Снега западной войны. Чуть душа не тосковала, Мне товарищи нужны. Вы же мо, друзья-подруги, Непутевые подчас, В Подмоскovie в заметь выгги Собираетесь сейчас И в вагоны электрички На едемские под окном По студеским прищичке Промстоились интлером. На окне в цветах-узорах Отлаивает синева. И для вас совсем не ново, Что за тем окном... Москва!

К. Фролов. Лышница.

Выставка произведений художников РСФСР 1955 года.

«Угадай!»

Фотохуд. Г. Зельма.

В приемной директора Уральского индустриального института было необычайно радостно: здесь работала комиссия по распределению молодых специалистов.

Многие юноши и девушки, получившие дипломы металлургов, просили, чтобы их послали не в крупные промышленные центры — на металлургические заводы Магнитогорска, Нижнего Тагила, Златоуста, Челябинска, — а на предприятия, расположенные в неприглядных городах Урала. Конечно, были и такие, которым удавалось это решение, и они возлагали своим товарищам: охота, мод, вам забирать смолуду в медвежье гущи...

Но получившие назначения в так называемую медвежью гущу доказывали, что именно на маленьких заводах особенно нужна в специалистах, способных продвигать вперед совершенную технику.

— Там можно развернуться! — говорили они.

— Положим, это так! — умелых скептики. — А все же в гущи не условий для роста... Будешь топтаться на месте, отстанешь от жизни. А уж о научном открытии и мечтать побудь...

— Не беспокойтесь, друзья! — горчичо вмешалась в спор девушка. Синие глаза ее смотрели строго и чуть насмешливо. — Желаящие творить, стать подлинными учеными, найдут себя в любых условиях...

... Но тогда еще сказать эта девушка, так как вскоре ее вызвали в комнату, где заседала комиссия. Вряд ли ее слова убедили спонсоров, но мне они запомнились недавно встрече в далекой северуральской тайге — встрече, о которой я и хочу рассказать.

Это было зимой. Ночь застала нас в тайге. Оленя ноги устали, да и сами мы притомились за день и решили устроиться на ночлег. Заснеженные сосны, ели, кедры надоели, ограждали от ветра. Высокий небесный купол был украшен крупными яркими звездами, под ногами лежал пушистый снежный ковер.

Растопив снег, мы приготовили чай, сделали из веток костяки, достали спящих оленей. Но тут наша компания Таранка, пушистая вогульская лайка, насторожилась и с отрывистым лаем ринулась в темноту.

— Кто-то идет. То ли человек, то ли медведь, — проговорила геолог. — Впрочем, медведя в такую пору из берлога и медок не выманешь...

А спустя несколько минут с искренним таежным гостеприимством геолог хлопотал вокруг пришедшего. Это были женщина и прожектор.

— Сода прому! А мы-то приняли вас за медведя! В такой мороз... Что случилось?

— Паче! — поздоровалась гостья с понощичью и со мной: — Здравствуйте! Понед лавин словца Любюва Николаевна Кизяева, с которой я недавно познакомилась в Свердловске. О ней мне немало рассказали на Северном Урале и геологи, ее товарищи по профессии, и охотники мясны, и рабочие буровой партии. Все они отзывались о Кизяевой как о человеке отважном, горячо преданном делу.

Нужно сказать, что первая встреча и беседа с нею не произвели на меня такого впечатления. Вишние Любюва Николаевна несколько не напоминала ластовую сюзьяль тайги, как ее в шутку именуют здесь.

Я стал расспрашивать Кизяеву о том, как идет у нее работа, каковы успехи.

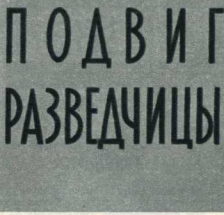
— Сквозь стекла очков на меня смотрели строго, чтобы удавалось глаза, как бы спрашивая: «И что это вы заинтересовались моими делами?»

А дела эти стояли тогда, чтобы ими интересоваться.

... В те годы, когда Любюва Кизяева пришла в горно-таежный Уральский район, у разведчиков недр не было еще богатой техники: своих самолетов, речных катеров, машин, тракторов; не было тогда и нынешних बहुотрастных поселков.

В жилищах имелось только одно: огромное желание изучить удивительно и в большой своей части еще не разгаданное явление при-

Семен ГАРИН

роды, именуемое Уралом, — величайший Каменистый пог, протянувшийся от теплых вод Каспия до Ледовитого океана, тающий в себе несметные богатства. Кизяева еще на студенческой скамье увлеклась поисками бокситов — наиболее ценной руды для получения алюминия, и весь Северный Урал представлялся ей обширной «бокситовой провинцией».

Попав сюда, она быстро свыклась с особенностями края, научилась переправляться через бурные горные реки, забираться на каменистые кручи, проникать в такие дебри, куда и охотники майск редко попадали. Шаляги, костер, ножи под открытым небом, утомительные переходы по зыбким топкам, жгучие морозы зимой и полчища комаров и гнуса летом... Люба стала настоящим геолог-производственным, круглогодичным полевиком...

Конечно, все это было нелегко, но для человека творческого бескрайняя таежная «лаборатория» представляла большой интерес, нежная работа в стенах научного учреждения.

Людмила ШИПАХИНА

Мальчишка

Были он и застенчив и лезовок. Но однажды, голову склоня, Он на парте нацаррал слово И закрыл ладошкой от меня.

Будто с ним никак не могло рваться, Будто кто-то это слово тронет, Будто он огромное богатство Спрятал под горчичев ладонь.

Тягот и звенит сосульки в марте, Тягот, на окошко капля льют. И потом увидела на парте, Что мальчишка написал «Албу».

Он нагнулся, наклонился ниже, Стало вдруг не по себе ему: Как он смея, веснушчатый и рыжий, С тробками по чешью и письму!

Я не знала, как тот шаг священный. Я мальчишку подняла на смех. У меня тогда от возмущенья Две косочки загибались вверх.

Облака прозрачно-нежных красок Мимо окон палил, как стада. И мальчишка выжегал из класса, До ушей красен от стыда.

Чужкой и доверчивой душой И бы пожегала одного. Чтобы ты, красивый и молодой, Чем-то был похожим на него.

...Разведка недр начинается с воздуха — аэрофотосъемки; затем геофизики пронюхивают недра электромгнитными волнами; палеонтологи уточняют расположение пластов и, подобно лехоте в бою, победу закрепляют буровыми, доставляя из глубоких скважин самые точные данные — столбики пород, так называемые керны.

Борьбу буровики напущали рудное тело. Кажется, все в порядке, и вдруг бокситоносная толща исчезает... Повторные исследования не дают ничего удивительного. Пропала толща! И так же «вдруг» она появляется уже на другой глубине. Произошло резкое падение пласта. Что это, каприз природы? А может быть, новая, не предусмотренная теорией толща? Бокситы залегает в двух горизонтах, утверждает наука. А если не в двух? — возникает поначалу робкий вопрос. Возникает он у рядового геолога-производственного, у которого пока что нет оснований опспаривать традиционную теоретическую утверждения. Да и трудно опспаривать!

Друзья, бывало, предупреждали: — Не забудь, Люба, в геологии сколько людей, столько и илений!

Кизяева же, стоявшая на двух горизонтах, — Хуже, если у одного человека много мнений по одному вопросу!

И не скоро Любюва Николаевна отважилась сказать себе: «Бокситы нужно искать в нескольких горизонтах».

Прежде чем высказать это мнение другим геологам, Кизяевой предстояло сделать очень и очень много. Нужно было установить, какие геологические процессы происходили здесь четверть миллиона лет назад, в ледовом периоде, что было на месте этих гор, тайги и тулар.

Борьбу буровики подняли из скважины древние девонские кораллы. Значит, здесь была некогда жемчужина жемчужного моря. Рядом с рифами лежали острова из вулканических пород. Как это похоже на южные страны, например, на современную Индонезию, где под палящим солнцем при обилии обожженной смолы производится боксит! Не могло ли то же самое происходить в древние геологические эпохи и на Северном Урале?

Кизяевой пришлось «раскритиковать карты» геологов древних эпох. Она придирчиво просмотрела с помощью лично собраных материалов каждую догадку, прежде чем принять ее научно обоснованным фактом. Вела геологическую съемку обширного, труднопроходимого района, собирала коллекции минералов, расширяла охват работ.

Молодой геолог Любюва Кизяева не довольствовалась только данными прежних исследований, но и сама «без отрыва от производства» занималась наукой. И вот она пришла к выводу, что материковое вещество бокситовых руд поступало не в восток, как считали прежде, а с запада. Наступление моря было не двукратным, а многократным. Бокситы вовсе не вулканического происхождения, а осадочные.

А если наступление моря было многократным, значит, бокситы отлагались не в двух, а во многих горизонтах. Значит, заброшенные вчера, как «бесперспективные», районы с обилием бокситовых пластов, сегодня могут оказаться богатейшими месторождениями с несколькими пластами. Эту точку зрения разделяла далеко не все.

— Да представьте вы плескаться древним морем! Раздавать стонущие крики Кизяевой... Не тревожьте миллионлетнюю даль. Все горало проше!

Борьбу со скептиками было потруднее, чем с морозами и комариными нашествиями. Тут требовалось большое упорство, мужество. Ведь известны случаи дискредитации авторов, которых удостоены ученых степеней именно за то, что доказывали нахождение бокситов в двух «сказочных» горизонтах. И вряд ли эти ученые легко отступят со своих позиций.

Да, все это предстояло доказать непоколебимыми фактами, и эти факты нужно было собрать. А тут геологу подстерегали трудности, порой изощренные, но, тем не менее, сильно мешающие двигаться к назначенной цели.

О трудностях эти затворилась геолог и во время похода в Уральский тайгу.

ДНЕВЕ ВСТРЕЧИ

(ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ КОРРЕСПОНДЕНТА)

ПОДАРОК

— Черт знает, как это получается! — сердито сказала Князева. — Кому нужны эти ведомственные справки?

— Заметно, что я не сплю, геолог проговорил, обратившись ко мне:

— Понимаете, геофизика — чудо современной техники! Тонкие, сверхчувствительные приборы дают прекрасные результаты. А как опаздывают! Не прибором, конечно, а людьми. Представьте себе лучшего врача, которого вручают, скажем, кардиограмму с опозданием на несколько месяцев! Абсурд! А у нас бывает именно так, потому что геологи действуют сами по себе, геофизики — сами по себе. Эта система мешает и обычным поискам и научной работе, которой обязан заниматься каждый настоящий геолог.

— Проводились! — усмеялся Князев.

— А вы сами, Льюбов Николаевна? Воевал же вы против такого положения и в тайге — в Москве, в Свердловске...

— Мало ли похмель! А с бурением?

— О! — только и вымолвил геолог. Оказывается, немало есть в геологии формалистов, которые слепо поклоняются нормам прокладки, «метражу». Им важно одно: выполнить план, дойти до определенной, запланированной глубины и, заверив буровую, начать прокладку новой скважины. Ясно, что это никак не устраивало Князеву, которая решила искать божокта на номах, «шпелановских» горизонтах. Она хорошо знала, что лишние доллары метров скважины той раз могут дать больше, чем сотни метров на вновь заложённых буровых.

Нередко ей помогали сами рабочие: хотя план был уже выполнен, они добивались недостающие метры и извлекали сверхплановые образцы грунта.

— А как ваша диссертация? — спросил вдруг геолог. — Сколько материалов у вас!

— Не знаю, будет ли это диссертация, — не в состоянии было, а обойтишь небольшие порки. К тому же и в Москву приглашают к докладом. Готовлюсь...

Спустия некоторое время я снова встретился с Льюбовой Князевой. Это было в Академии наук СССР, где она делала доклад о божокта. Одни из ученых, много лет занимающихся за работой молодого геолога, сказал, делая со мной впечатлениями:

— Самое страшное, что Льюбов Николаевна, забравшись в такой далекий край, не ограничилась лишь выполнением производственных заданий, не опустилась до узкого практицизма. Все эти годы она работала на высоком научном уровне. Собранные образцы ископаемой фауны и флоры Князева послала ученым Свердловска, Москвы, Ленинграда. Одни отвечали быстро, другие медленно, третьи почему-то молчали. Полученные консультации всегда противоречивы, но в целом оказались полезными: указывали точки разведок. Что же касается практики, то Льюбов Николаевна стала добиваться и добилась возобновления разведки в заброшенных районах, да прежде в двух «теоретических» горизонтах не было найдено ценных залежей божокта. Теперь там открыты богатые месторождения. Новая теория, рожденная практикой, дала стране новые материальные ценности. Хотелось вам залезть в Кавказу в Москве, предельно ей инвентаризировать институт геологов. Но все это напрасно: она спешит в тайгу,—там, говорит, интересней!

...Когда я пронулся, было утро. В небе еще висела полбелая луна, но уже розовела верхняя половина горизонта. В воздухе гребнем показались краешек большого мясного солца. Олени смироно стояли в упряжке, погонщик складывал немуренные наши пожитки.

— Вспомни! — сказал он. — Князева ушла.

— Пропала! — пошевелился геолог. — Упустила возможность побеседовать, отыскать недостающие краски для литературного портрета? Теперь ищите, как видите, ее и след простыл! Мы уехали на шарты, погонщик поднял длинный шест в произвольном свисту. Олени помчались.

Нет, нельзя было сказать, что Князевой и след пропал: следы ее малышка, обутых в шарты все четко отпечатались на снегу и вели на север.

Передо мной письмо члена родительского комитета при школе. Красивым почерком с затейливыми завитками на пяти страницах дружелюбной бумажки автор письма рассказывает о том, что учительница Антонина Аркадьевна Краушник несправедлива к учащимся: тем, кто преподносит ей подарки, она ставит оценки, а остальным безосновательно ставит двойки. Далее следует пример: «Бездарный, посредственный ученик Князьков, которого член родительского комитета давно знает, «тащился на тройках», но достало ему было преподнести 8 марта подарок Краушник, он стал выдвигаться в число лучших учеников».

Читаю письмо, и перед моим мысленным взором возникает лица педагогов, которые так долго и упорно учили меня любить мир, любить человека, которые терпеливо передавали мне знания... Подселенатыи Иван Дмитриевич, немножко дурак, немножко поэт, умевший так рассказывать о немом мужике Герасиме, что слезы выступали на глаза; седенькая, малышка Эльмира Германовна со своими изощренными «перфектами и имперфектами», добротой которой мы, ученики, варварски злоупотребили; непоседливый, круглолицый физик Степан Николаевич; молчаливая преподавательница химии Зинаида Петровна, работающая перед котельными вородниками... И много, много других милых сердцу людей сливаются в один обязательный образ, в одно самое светлое и драгоценное для меня слово — учю.

И вдруг такое письмо... Нет, не может быть, чтобы это было правдой!

Обидно стало мне за учительницу, так обидно, что и выразить трудно. «Не пойду я ни в горно, ни к директору школы» — решил я, — не буду собирать никакие справки и характеристики, пойду лучше к самой Краушник...»

Так я уже пробовал проверить несколько шкетовых писем и, должен сказать, ни разу не ошибался.

...Антонине Аркадьевне Краушникой лет двадцать пять. Она невысокого роста, со скромной прической, в сером, тщательно отутюженном жакете. Глаза у нее синие, ясные, как родниковая вода. Я разговариваю с ней том, о сем. Она очень стесняется, все время поправляет борта жакета. Когда наконец Антонина Аркадьевна преодолевает смущение и начинает вести себя свободней, и прямо задаю ей вопрос о подарке и о Князькове.

Глаза ее испуганно округляются, она сидит минуту неподвижно, краска начинает отливать от ее лица. Потом она встает, застывает жакет, путая пуговицы, и как-то усталым, надомленным голосом произносит:

— Знаете, что... это... — У нее вздрагивают губы, она делает решительный шаг и вдруг подлагает: — Не откажитесь, пожалуйста, сходить со мной на квартиру. Я живу недалеко. Вы сами увидите этот подарок. У меня уроки кончились, я вам все расскажу. Не откажитесь...

И я увидел подарок Князькова, и не только увидел, но узнал его историю.

Тому Краушнику только в прошлом году начали вешать Антонину Аркадьевну. До этого она была студенткой пединститута. Дочь состоятельных родителей, она в студенческие годы не испытывала особых затруднений и с удовольствием работала окончив институт. О профессоре преподавателем да вообще о жизни у нее было самое смутное представление.

В школе, став классным руководителем, она столкнулась с первыми трудностями. Как это нередко бывает, молодому преподавателю «сплавляли» отстающих учеников. И ничто удивительного не было в том, что дела у нее вначале шли не блестяще. Но она, приложив много заботы и труда, добился того, что во второй четверти ее класс значительно поднялся.

В трудах и работах незаметно прошло время, подкатила мать. Девочки и мальчики нагладили о чем-то перепутываться, загадочно подглядывая на свою учительницу. Антонина Аркадьевна догадывалась, что ребята собираются сделать ей подарок к 8 марта. Ей приятно были эти милые ребячьи хлопоты. Давно ли она сама участвовала в подобных затеях? Конечно, давно не в подарок, а в том, что дети думают о ней, хотят сделать для нее что-то приятное...

Рисушки М. Алексеева и Н. Строгановой.

Все мальчики и девочки четвертого класса приносили деньги на подарок. Один лишь Толя Князьков не принес. На вопросы ребят он, конфузившись, указывал глазами, отнекивался.

— Принесу... Скоро принесу...

— Не опоздай! Мы уже и вазу облюбовали, как бы не продал ее,—торопили Толю одноклассники.

А Князьков не нес и не нес денег. Он никак не мог решиться поспросить их дома. Отец его прикован к постели тяжелым недугом. Работает одна мать. Толик в доме седьмой...

Когда-то, еще в годы юности, отец Толика неплохо рисовал. Вспомнил свое давнее увлечение, он поставил рядом с кроватью электродиплиту и, ловко орудуя расклеванными гвоздиками и проволоками, начал выжигать на дощечках изображения животных и птиц. Рисушки получались отличные. В прошлый высокий Люся, старшая сестра Толика, отнесла несколько таких дощечек на рынок и вернулась с покупками. Научился рисовать расклеванными проволоками и Толик. Правда, у него не так хорошо получалось, как у отца.

Очень трудно было Толику решиться поспросить дома денег, но он все-таки набрался сме-

люсти. Выслушав его, отец откинулся на подушку, некоторое время лежал с полузакртыми глазами, потом повернулся к сыну:

— Сынок, ты сделал сам учительные подарки, и я уверен, что они больше придутся ей по душе, чем купленный. Возьми эти дощечки и старательно выжги на ней то, что правится тебе. Больше всего не выжигай:

И оттого, что голос у отца был снова бодрый, а в глазах светилась прежние доброта и приветливость, Толюку сделалось вдруг легко на душе, и он в тот же день с увеличением прилежания за работу. Никогда и ничего в жизни он еще не делал с такой любовью и старательностью, как этот подарок для учительницы.

Наступил день 8 марта. Антонина Архальцева явилась на занятия привлекательная, праздничная. На последнем уроке, перед занятием, когда она отвернулась к доске, на столе вдруг появилась красивая фарфоровая ваза. После заветной робота шумо поздравляли учительницу, пригласи вокруг нее, пожимали ей руку, смеялись.

Слезам радости подступали к горлу молодой учительницы. Может быть, эти счастливые слезы и помогла ей заметить смущение Тоинки и Антонины, молчаливо сидевших в стороне мальчика, принадлежавшего к числу тех учеников, которых преподаватели обычно запоминают лишь в конце зимы, а то и на второй или третьей учебной год. Антонина Архальцева не шла и заворачивалась в толпы ребятиншек, Толик дал ей то-то лоскулок, завернутое в тетрадный лист. Она не успела даже сказать: «К чему это?», — как мальчик исчез из класса.

Домой учительница пришла возбужденная от пережитых радостей. Поставив вазу на стол, она стала снимать жакет и тут обнаружив в кармане лоскуток свертка. «Ах, да,— вспомнила она,— это да мне тот скромный мальчик, который сидит у окна! фамилия его, кажется, Конышов». Она положила свертков на комод, да еще не посмотрев, что в нем. Чтобы собраться с мыслями и еще раз пережить вливающие волнующие минуты сегодняшнего праздника, она принялась читать дневник.

Вечером, перед уходом на торжественное собрание, взгляд ее случайно упал на сверток. Она развернула его. В бумажке, вырванной из тетради, оказался обыкновенная дощечка. Антонина Архальцева отложила в сторону фарфоровую вазу, поставила долго не могла оторваться от рисунка, выжженного на этой дощечке. На ней был изображен куст земляники. К распутившемуся цветку прилеплены золотистая пчелка. Склонившаяся к земле крупица, залатая ягода, казалась, вот-вот упадет в траву; под кустом затаился кузнечик; по спрятавшемуся за леньком грибку ползет мохлятая гусеница, а над всем этим мальским, забавным миром парит легкая, как ветер, бабочка...

«Все богатство своей мальчишеской фантазии, все, что он только в силах был создать, предло мне Толик своей учительнице! Каждая деталь рисунка поражала тонкостью и красотой. Антонина Архальцева отложила на край стола вазу, поставила перед собой рисунок Толика, да так и просидела все вечер, забыв о том, что в кармане у нее пригласительный билет на торжественное собрание, посвященное случающемуся завтра событию...»

Учительница умоляла. Я нежал ей руку и вышел на людуно, ярко освещенную улицу. Как я и предполагал, в письме были грубо изуродованы фразы. Чудесный образ молодой учительницы стоял перед моими глазами, и на душе у меня было так радостно, как будто я только что одержал большую победу.

ОБИДА

В зале суда, на передней скамье с глухой спинкой, положив на колени затруженные руки со вздувшимися узелками вен, сидит старая женщина в потертом плюшевом пальто. Ей больше сорока, но она выглядит так, как начала судя еще несолько человек. Они время от времени бросают смущенные взгляды на женщину и каждый раз виновато опускают глаза.

Но вот послышалось традиционное: «Суд идет!» Задние скамейки заскрипели. Стари-

ка, заметив судью, испуганно всколыхнула, забыв смахнуть слезу, залезавшую в морщинку у рта.

Судья, пожелав мужичку с орденскими знаками на борту поджака, внимательно посмотрел на женщину, встретился с ее настороженным, растерянным взглядом и мягко сказал:

— Вы мамаша, не тудя седи. Это скамья подсудимых. Ее займут ваши сыновья и дочери...

Старуха подыалась со скамьи и прислонилась к стене. Мимо нее прошли, прчя глаза, ее дети. Прошли и сели на ту красную, с виду обыкновенную скамью, сестя на каторгу ни один родитель не пожелает своему сыну или дочери.

Судья все время смотрел на подсудимых, пока те усаживались на скамью. У окна сел самый старший — инженер-путеец с седыми висками; рядом с ним, то и дело рылая горячкую фуражку, являл место красный от смущения человек средних лет, дальние раместились еще четверо — две женщины и двое мужичи.

Суд начался... Судья коротко изложил исковое заявление матери: вот уже три года, как ее сыновья и дочери не присылают ей ни копейки.

Старуха встрепенулась, подняла руку, как это делают школьники на уроке, и сказала: — Гражданин судья... голубчик, не хотела я вовсе подавать в них в суд. В собесе мне написали, стало быть, из сочувствия, а я согласилась. Теперь уж каюсь... Дети ведь... я их столько лет не видела... Вот где привелось встретиться.

Один из заседателей встал и ставил воду и подал матери. Губы ее дрожили. Она взглянула на заседателя и, отпив глоток воды, прошептала:

— Благодарствую, милый сын!

— Вы присядьте, не волнуйтесь,— успокаивал ее заседатель.

— Как же не волноваться, дорогой мой! — вдохнула старуха, и губы ее снова дрогнули.

Подсудимые сидели, опустил головы, нервно теребя форменные фуражки, кепки, шляпы.

Судья спросил один из дочерей:

— У вас есть дети?

— Да, двое.

— Почему вы за последние пять лет не написали матери ни строчки и не помогли ей?

— Да так как-то все получается... Дела... дети... Муж как-то в командировках...

— Забили, значит,— заключил судья.— Садитесь.

Другие дети отвечали в том же духе, скапуно и неудовольно.

— Работая, учусь... Времени совсем мало, дажде выплывать не всегда приходится. А что касается денег, то тут, конечно, делом моя вина. Буду теперь высылать...

— Находился долго в командировке, ну а потом женился. Одним словом, виноват...

— Нет, конечно, вправе от нас требовать помощи. Нам мужик утешит это и в дальнейшем будем помогать.

Старуха снова подняла руку. Судья спросил:

— Вы что-то желаете сказать?

— Вот с вами, гражданин судья! Отпустили вы их. Они все отседох денег... А мне не деньги нужны. У меня гораздо больше есть, и собесе, слава богу, не высылает. Прокормлю как-нибудь... Отпустили вы их... Нюкогда им. Вишь, они даже не забываются...

— Минуточку, мамаша... Мы, члены суда, хотели бы знать, как вы жили прежде, как воспитывали детей. Может быть, им тоже интересно будет послушать...

Мать подыалась, одернула свое старомодное пальто.

— Долго это рассказывать,— заговорила она,— долго и не шибко всево. Уж какие были у меня дети, длинные бывали, все же не хватает их, хотя жизнь свою в подробностях вспомнить. Лежу вот одна в большом доме. За окном ветер завывает, в подполье мыши скребуют... И так тошно, тошно становится на душе, что моженки нет. Итоко и есть у меня утешение, что вот их, детей своих, вспоминать. И видится они мне не такими, как теперь, а с мокрыми носами, с цыпками на ногах, с порванными штанишками. А то вспоминается еще, когда воскресенья они за стол садятся, а я блины пеку, на двух скоромодях орудуя: одна в лево, другая в право. А они, детки-то, знай себе блины за обе щеки улетают, да так аппетитно, что душа моя не выдержит... Ой, что я, старая,— вдруг спохватилась старуха,— не то, поди, говорю?.. Кому интересно насчет блиннов-то слушать?

— Продолжайте, продолжайте,— сказал судья.

— Да что, мамле, продолжайте-то! Веско бывало: и радость и горе. Но не то горе, что позави, а то горе, что вперед. Пережила немало. В гражданскую и овдовела. Старшему, Сереже, тогда шестнадцатилеток было. Он от плечки да на мом и легла все забота. Он у меня настоящим оказался. Сам в люди выбился и помог мне остальных детей пристроить. Худо ли, bello ли жили, а все грамотный человек, да самый младший, Петя-то, долгие всех жил со мной. Когда он tubеркулезом заболел, перепугался я очень. Упас бог иметь в семье нездоровое дитя! Себя уж я тогда не шадла. Выколотогла я ему пугежку на мурор, но выдержала... Ой, что я, старая,— вдруг выжал порываться.— Да что там толковать, известное дело: маленькие дети матери спать не дают, а когда вырастут, так самой ей не уснуть. Это только бездетные судачат, что ребята, как грибы, растут... Не-ет, не растут и не растут, и одного дождика им маловето. Не раз слезами обольешься, пока они людьми станут.

Старуха умоляла и вопроительно посмотрела на судью.

— Может, заболталась я? Попаду на люди и радехонка поговорить...

— Говорите, говорите,— поощрял судья.

— Да что ж еще говорить? — И старуха как-то вдруг смолчала и ушла совсем одиноким голосом обвизала: «Не прощу я у них ничего. Только уж очень обидно! Хоть бы в перемыслие праздника мне колечную телеграмму прислали или просто письмо. Всем людям же надо поздравлять. На юсте-то Петр и нявал порываться...»

Она зямокнула, а затем, собрав все силы, глядя на своих детей глазами, полными слез, спросила:

— Дети, нуужели я за ничего и не заслужила у вас, а?

И тогда, впервые за все заседание, на судью поднял глаза старший сын, инженер-путеец: «Разрешите!»

— Он встал, медленно подошел к матери и, наклонив голову с серебряными висками, сказал:

— Прости, мама!

За ним теребя в руках горячкую фуражку, стоял Петр. Подыался со скамьи, подошли к матери и остальные.

Их провалили внимательные, радостно поблескивающие глаза судьи. Их встречали руки матери, способной не только любить, но и прощать.

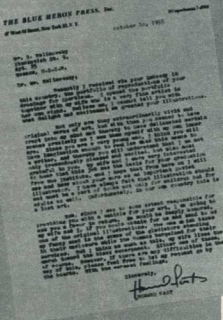
г. Чусовой,
Мологской области.

НЕПОБЕЖДЕННЫЙ, БЕ...

ИЛЛЮСТРАЦИИ К РОМАНУ ГОВАРДА ФАСТА «СПАРТАК»

Геннадий Калининский, студент-художник Московского художественного института имени В. И. Сурикова, автор иллюстраций к роману Говарда Фаста «Спартак».

ПИСЬМО ГОВАРДА ФАСТА

Дорогой и-р Калининский!

На днях я получил через Советское посольство в нашей стране картину репродукций Ваших рисунков и «Спартак». Мы открыли картину вместе с женой, которая сама очень хорошая художница.

Поверьте, что я не в состоянии передать Вам, с какими восторгом и волнением мы историли Вашу иллюстрацию. Вы не только создали необыкновенно яркую и самобытную произведение искусства, но как бы проникли в мои собственные намерения, изобразила некоторые сцены именно такими, какими они рисовались в моем воображении. Вы очень молодо и мудро, достаточно смело представили себе, что это значит для писателя, сказать, что я не только неизменно тронул и взволновал, но также и порадовал благодарен Вам. Мне и моей супруге было чрезвычайно интересно узнать, что это работа является Вашими институциональными дипломами. Надпись, что отныне ученик Ваших произведений и услышу о Вас как о выдающемся советском художнике-малоростере. Я всегда был того мнения, что иллюстрация имеет и должна стать частью юнг, предвзвешенных не только для детей, но и для взрослых. И следовательно, это искусство утрачено в нашей стране.

А теперь, поскольку я в некоторой мере ответствен за то, что представили Вам возможность проявить свое дарование, хотелось бы, чтобы Вы оказали мне взаимную любовь. Вы с не-

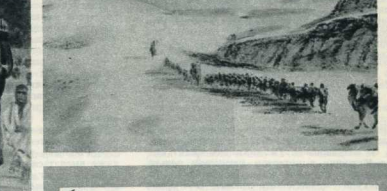
ной были бы глубоко признательны, если бы Вы нашили возможность прислать нам один из оригиналов Ваших иллюстраций. Особенно мне нравится сцена, изображающая гладиаторов, стоящих за оградой, в то время, как римляне по-порядкам вые вырывают наиболее сильных. В такой же степени пришлось по душе моей супруге рисунок — марш и черную крону. Конечно, можете прислать один из двух рисунков. Однако если это сопряжено с трудностями, то не считайте себя коммунистом, связанным моей просьбой.

С самыми теплыми чувствами
искренне Ваш
ГОВАРД ФАСТ.

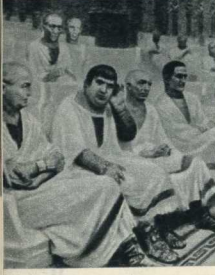
Грозные события потрясли возмущенную Римскую империю в 74 году до нашей эры. Гладиаторы, бесправные рабы, убившие двух других на арене цирка ради развлечения пресмыкающейся знати, вдруг обратили свое оружие против рабовладельцев. Они встали. Собирались в кратере Везувия, гладиаторы, возглавляемые Спартаком, точно осененная лавой, обрушилась на римские легионы. Весте о первых победах рабов облетела всю Италию. К Спартаку — талантливому полководцу, человеку необычайной физической силы — отосюсю стеклись рабы и крестьяне. Восстание разрастлось. Оно им Спартака приводило в ужас власть имущих.

...В память о днях свободы, когда рабы, разорвав цепи, сражались за свою свободу, Спартак приказал высечь из глыбы застывшей лавы на склонах Везувия величественные фигуры повстанцев. На рисунке, расположенном справа, мы видим один из таких памятников. У основания его застыли в изумлении рабовладельцы, пришедшие сюда после разгрома восстания. Эти ничтожные люди, стремясь стереть следы побед Спартака, приказали разрушить скаulptуры. Но пасть об этом, одно из первых вооруженных восстаний рабов осталось в сердцах народов навсегда.

Прошло более двух тысяч лет, но имя Спартака — непобедимого, бессмертного — до сих пор остается символом воли, силы, мужества и самолюбия. Его образ вдохновлял не одно поколение писателей и поэтов, художников и скульпторов. Из книг, посвященных востиганию Спартака, наибольшей популярностью пользуется роман итальянского писателя Джозеппино. Образ жизни к этой теме и прогрессивный американский писатель Говард Фаст. Иллюстрация к роману Говарда Фаста о Спартাকে, издующаяся на русском языке, сделала Геннадий Калининский — студент Московского художественного института имени В. И. Сурикова. Это дипломная работа молодого художника. Свои рисунки он послал писателю, который тепло откликнулся о них. Мы публикуем письмо Говарда Фаста студенту Калининскому и несколько иллюстраций к роману «Спартак».

← На седьмой день пришло известие: римские когорты разгромили рабам... Обязанность инвентаризатора — сенатора, ведущего допрос, — была возложена на Гракха. Он стоял у барьера и разглядывал римского солдата, возвращающегося с полем боя.
— Говори громче, — сказал Гракх. — Никто не тронет тебя здесь. Ты в священной палате сената. Ты должен говорить только правду во имя бессмертных Богов.

— Спартак поставил два больших памятника, высеченных из далаи, на восточном склоне Везувия. Мне не доводилось их видеть, но я подписал приказ об их уничтожении.

— А какие они были? — спросила Клаудия. Траки презрительно покачал головой и на свой смысл говорить о призраках этих рабов и их козлов!

— Я не видел их, мой дорогой. Красс видел. Спросите у него.

— Мои впечатления вряд ли будут приятнеем художника, — сказал Красс. — Эти памятники выглядели так, как и следовало ожидать. Их было два. Один — фигура раба приблизительно в пятьдесят футов вышиной. Раб стоял, широко расставив ноги, сбрасывая разорванные цепи. Одной рукой он прижимал и грудь ребенка, а в другой руке держал испанской вич. Фигура действительно была колоссального размера. Она была выполнена отлично. Все мельчайшие детали не были упущены — видны даже раны от цепей... Вид у Спартака было много гренов, а грены умеют делать статуи...

Другой памятник был поменьше: фигуры не более двадцати футов высотой, но тоже хорошо выполнены. Это три глadiatorа: француз, галл и африканец. Африканец высечен из черного мрамора — очень интересно, а две другие фигуры — белые. Африканец стоял в середине, он был выше остальных и в обеих руках сжимал свой трезубец. Рядом с ним с левой стороны стоял француз с носом в правой руке, с другой — галл с мечом. Группа была замечательная; казалось, они только что сражались.

Нигде во всем огромном мире нет ничего хуже черного кривца Нубийской пустыни. Его степи и египетские бараны и западные времена. Мрамор Нубийских гор богат золотом — вот почему пришли в эти места люди...

Пришел сюда и Спартак вместе со ста двадцатью франкизиан, своими любимыми ошейниками и ошейнику. Они пронесли свои раскаленные цепи через пустыню, через весь путь от Первого воюпада.

За железной оградой... стояли четыре глadiatorа. Кай почувствовал в них что-то новое, странное, даже ужасное. И дело было не в их мужественном виде и силе, каких не встретишь среди людей его круга, но в их отчужденности по отношению к нему. Они обучены сражаться не как люди, а как звери, как глadiatorы. И Кай глядел на эти четыре пугающие его маски, не стравляясь...

— Ну как, хороши? — спросил Баттат.

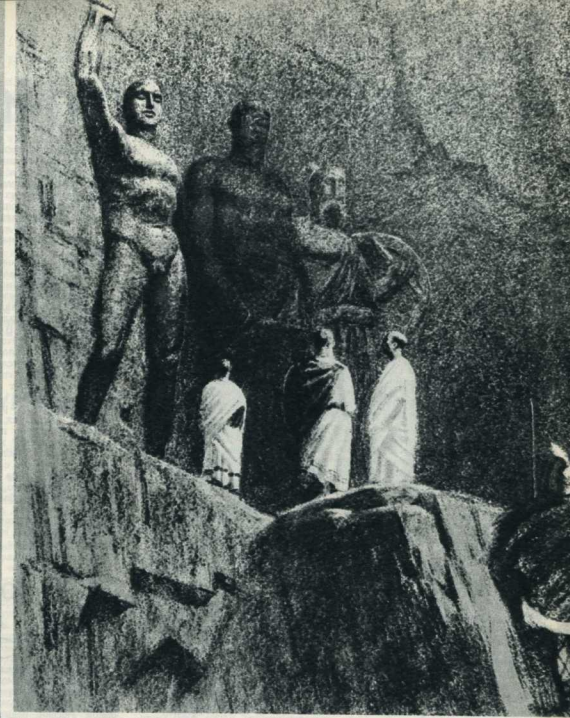
Кай чувствовал, что не может выговорить ни слова. Но Брак сказал небрежно: — Да, все, кроме вон того, с перелбитым носом. Он не похож на бойца.

— Внешность бывает обманчива, — заметил Баттат. — Это Спартак. Он очень искусен, очень силен, очень ловок. Я не зря его выбрал.

— А ного ему я парю?

— Нетра.

— Хорошо, — сказал Брак. — Надеюсь, они стоят тех денег, что я за них уплатил.

Человек с перелбитым носом поднял голову. В руках у него был меч и лигата. Он сказал: «Возьми это, солдат. Возьми это, римлянин...» Возвращаясь в Рим и отдав своему сенату этот меч, Спартак и его посланцы принесли свои ногорты, и мы уничтожили их ногорты. Служивши им, что вид устал от их растленного свята, от их прогнившего Рима. Мир устал от богатства и бисна, которые создали они на нашей крови и костях.

...И Давид был рад, что ему не пришлось видеть, как умирал Спартак. Он сражался до тех пор, пока камень из пращи не уложил его на месте... Он понимал теперь ионическое иконование Спартака в этом последнем бою. Но этот бой не был поражением.

В ШЕСТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ МАШИНЫ БУДУЩЕГО

И. И. АРТОБОВСКИЙ,
академик

Мы живем в удивительное время, когда самые смелые мечты человечества, когда то, что еще сравнительно недавно казалось несбыточным, получает реальное воплощение.

Разве можно было, например, несколько десятилетий назад представить, что электронизированные машины промышленности и для бытовых нужд будут давать атомные электростанции? А ведь в Директивах XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану намечено строительство атомных электростанций большой мощности. Невероятным показалось в начале столетия и создание искусственных спутников Земли. Между тем искусственные спутники уже создаются, проектируются космические корабли для межпланетных путешествий.

Научные открытия в области электроники, автоматизации, телемеханики позволяют многое сделать в машиностроении. В нашей стране уже работают многочисленные автоматические машины, станки, линии. Однако все это сложное оборудование до сих пор организовано в основном было узко специализировано. Каждый автомат или автоматическая линия предназначены для производства или обработки какого-либо одного вида изделий. Какого рода автоматизация не всегда позволяет быстро переставлять производство, переходить к изготовлению одного вида продукции на другой.

В последние годы возникло новое направление в автоматизации технологических процессов. Оно развивается по пути создания автоматических управляемых машин и систем машин, которые дадут возможность производить или обрабатывать изделия различных типов и форм. В шестой пятилетке и я мои сотрудники предполагаем

работать над проблемой создания подобных машин будущего, снабженных специальными устройствами для полного автоматического управления всеми технологическими процессами обработки металла.

Попробуем же представить себе в общих чертах такую машину в действии. Она бы на примере металлообрабатывающего станка...

...На perforированной карте или магнитной ленте специальным кодом нанесена программа работы станка. Код может быть составлен в виде отдельных цифр или в виде непрерывной математической зависимости. Эта лента с кодом вкладывается в «программный» узел станка. Если программа дана в виде непрерывных цифр, то отдельные значения их вызывают определенные электрические импульсы в механизме узла. Эти импульсы-сигналы передаются в узел управления, а оттуда электронные устройства подают необходимые команды-приказы станку. Автоматически, в соответствии с заданием, будут меняться величины и направление подачи, скорости резания и т. д.

В этот автоматический агрегат включается и так называемая система обратной связи. Ее задача — контроль за точностью изготовления продукции.

Станок можно будет легко перенести на обработку разных изделий. Для этого достаточно лишь ввести в «программный» узел соответствующую карту или ленту с новым кодированным заданием. Электронные счетно-решающие устройства передадут команду станку и проследят за ее выполнением.

Появление подобных машин-автоматов на наших заводах — дело недалекого будущего. Я думаю, что мы их построим в шестой пятилетке.

МЕТАЛЛЫ И НОВЫЕ СПЛАВЫ

Н. В. АГЕЕВ,
член-корреспондент Академии наук СССР

Большие, ответственные задачи стоят перед металлургической промышленностью в шестой пятилетке. Директивы XX съезда КПСС требуют высоких темпов производства как черных, так и цветных металлов, значительного расширения выпуска редких металлов, введения в металлургию новых высокопроизводительных технических процессов.

Коллектив нашего Института металлургии Академии наук СССР готовится решать эти проблемы.

Будет уделено много внимания совершенствованию металлургических процессов, изысканию новых, более эффективных методов получения и обработки металлов. Лаборатории металлургии чугуна и стали, в частности, осуществляют дальнейшую разработку вопросов, связанных с применением кислорода в доменных печах.

Известно, что качество стали можно улучшить путем выплавки и разлива ее под вакуумом. Зна-

чительную часть исследований мы посвятим этому процессу.

Большое место в нашем пятилетнем плане занимают вопросы металлургии цветных и редких металлов, которым принадлежит немалая роль в развитии электроники и радиотехники, а также в производстве жаропрочных и других сплавов.

Многие исследования будут проводиться с применением меченых атомов, например, изучение процессов перемещения атомов в металлических сплавах, что имеет большое значение для повышения качества сплавов. В лаборатории кристаллохимии метод «меченых атомов» решено использовать для исследования окисления жаропрочных и других сплавов. Меченые атомы помогут нам глубже раскрыть явление ликвиации — неоднородности распределения примесей в сплавах, проследить течение реакций, происходящих при окислении металлов.

Мои личные планы на шестую пятилетку связаны с работами по производству титана и сплавов, создаваемых на его основе. Это чрезвычайно важная, интересная как для науки, так и для практики. Титан, который сейчас находит большое применение в промышленности, не случайно на-

зывают «металлом будущего». Он обладает свойствами, очень ценными для современной техники: легкостью, чрезвычайно высокой прочностью плавления, исключительной прочностью, высокой химической стойкостью. По механическим свойствам титан близок к нержавеющей стали. Большой прочностью и другими высокими качествами обладают и титановые сплавы.

Вместе с моими сотрудниками я предполагаю заняться изучением кристаллической структуры соединений титана и его сплавов, общих закономерностей, управляющих образованием этих структур. В первую очередь необходимо выяснить, как соединятся титан с такими элементами, как кислород и кремний, роль которых в металлургических процессах чрезвычайно велика. Зная влияние различных элементов на свойства и структуру титана, можно будет установить принципы создания сплавов титана с заранее заданными механическими и физическими свойствами. В ближайшие годы мы намерены содействовать этой проблеме.

Много других вопросов, связанных с развитием новой техники, включено в планы Института металлургии.

ГОРНАЯ ТЕХНИКА

М. М. ПРОТОДЬЯКОНОВ,
доктор технических наук, профессор

Лишь по рассказам старых горняков можно представить сейчас вид угольной шахты дореволюционной России, безмерно тяжелый труд под землей. Давно миновало то время, когда разработка угольных месторождений производилась только вручну. Сотни разнорабочих разных машин — угольные комбайны, врубовые машины, транспортеры, электровозы — пришли сейчас на помощь шахтеру.

И все же ученые и конструкторы все в большем долгу перед угольной промышленностью. Ведь в шестой пятилетке предстоит ввести в действие новые шахты и разрезы, мощность которых по добыче должна равняться примерно 240 миллионов тонн угля. Чтобы дать стране столько черного золота, нужно еще выше поднять производительность труда, совершенствовать горную технику. Над этим и работают сейчас ученые-горняки.

В последние годы у нас были построены комбайны, которые позволяют вести добычу в труднодоступных местах, где раньше разработка осуществлялась лишь отбойными молотками. Строились также комбайны нового типа, приспособленные к условиям Подмосковного угольного бассейна. Исследователи и конструкторы работают над созданием малоэнер-

гетомских комбайнов «крупного скола», которые в будущем будут отбывать уголь от массива большими кусками.

С помощью экспериментальной установки «УКС-2», сконструированной в лаборатории Института горного дела Академии наук СССР

в сотрудничестве с Гипроуголем, удаем получить очень важные данные, необходимые для проектирования такого комбайна: определены усилия, возникающие на его резцах, установлено наиболее рациональное положение резца, скорость резания, а также затраты электроэнергии.

Угольная промышленность, несомненно, получит в ближайшие годы мощные комбайны «крупного скола».

Однако коллектив лаборатории мечтает о конструкции еще более совершенной машины.

Известно, например, что даже при работе угольных комбайнов некоторые операции все же приходится делать вручну. Невозможен пока ручной труд при установке стоек; вручну по окислению руды перемещают шахтеры части механических транспортеров.

Будущая машина, над проектом которой мы сейчас работаем, усовершенствует прежде всего самый процесс разрушения угольного

пласта. Нам уже удалось доказать, что можно разрушать угольный пласт, используя для этого силу «эрифта», а что это потребует в 15—20 раз меньше усилий, чем в комбайнах, где используются силы «сдвиг или скользя». Наша машина представляет собой механический бур и специальное устройство, противотягающее сквазь продольное буром отверстие, или, как называют шахтеры, «шпур», особое приспособление в виде клина, назначение которого разрушать пласт, «отрыгивать» от него крупные куски угля. «Шпур» будет проходить в шахте до шпурка наискось. При небольшой длине забоя и быстром его прохождении крепление может вообще не понадобиться или потребуются только в отдельных случаях. При кругом падении пласта отпадает нужда и в транспортерах: уголь под действием собственного веса будет скатываться к шпурку, в

специально установленные бункеры.

Мы рассчитали, что все это позволит увеличить производительность труда по добыче угля в два—три раза и даст большую экономию электроэнергии.

Мы верим, что такая совершенная машина будет создана в шестой пятилетке. Ее «проброуз», то есть опытный макет, уже построен. В ближайшее время мы испытаем эту установку на строительстве московского метро при разрушении пород, превосходящих твердость уголь. В разработку машины участвуют А. П. Зыков, я и научные сотрудники Е. Илькина, Б. Анисимова, аспирант И. Афанасьев.

Новая машина вместе с конструкциями других видов комбайнов шахтеров выкопает задние шестой пятилетки — довести в 1960 году добычу угля до 593 миллионов тонн.

ДОСТИЖЕНИЯ ХИРУРГИИ

Б. В. ПЕТРОВСКИЙ,

член-корреспондент Академии медицинских наук СССР

Над столом вспыхивают прозрачные бестеневые лампы. В стеклянном окне кардиографа тонкая линия вычерчивает электрокардиограмму оперируемого. Стрелка другого прибора — оксиметра — указывает степень насыщения крови кислородом. Хирург вскрывает грудную клетку, один за другим пережимает сосуды. Обнажается сердце. Осторожно, предельно точным движением врач вводит в полость сердца тончайший инструмент с тремя раздвигающимися ножками. Чуть заметный поворот руки — и сузенная клапан десточной артерии разрезан в двух местах. Теперь организм не будет страдать от недостатка кислорода: кровь, идущая из сердца в легкие, уже не встретит на своем пути непреодолимое препятствие.

Еще недавно подобные операции считались невозможными. Сейчас их с успехом делают в хирургической клинике. Но сложная хирургическая вмешательство требует и новых анестезирующих методов и средств. Если прежде при операциях врачи засыпали больного в глубоком «эфире» какадилемом на лицо больного маску, то теперь они пользуются так называемым интратрахеальным наркозом — парами наркотиков с присоединением кислорода, вводимыми через трубку прямо в трахею, препаратами группы «кураре», которые полностью лишают больного возможности делать произвольные мышечные движения и позволяют искусственно управлять его дыханием. Из других анестезирующих средств можно назвать гипотермию — общее охлаждение организма до температуры 26—30°. Это достигается с помощью специальных препаратов, «охлаждающих» костюмов. При гипотермии человек падает в глубокий сон. Обменные процессы резко снижаются, замедляется кровообращение. Это позволяет временно выключить сердце, делать его «сухим», а следовательно, проводить операцию

как на самом сердце, так и на сосудах.

Сейчас наши фармакологи создали препараты, которые позволяют проводить дальнейшее: это дает возможность совершать операцию почти без потери крови у больного. Имеются и другие лекарственные вещества, вводя которые можно вызвать у человека глубокий сон, подобный буйной спячке у животных.

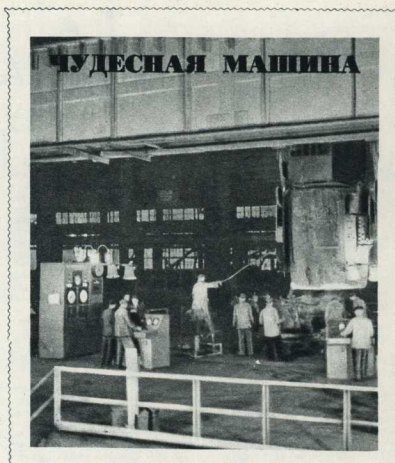
Говоря о хирургии ближайшего будущего, можно сказать, что перед ней открыты широкие горизонты. Они подготовлены работниками советских и зарубежных ученых. Если меня спросит, возможно ли, не применяя нарков, сделать так, чтобы больной долго и спокойно спал и не чувствовал боли при операции, я отвечаю утвердительно. Существует прибор, который усиливает болюм токами определенной частоты, причем электронос почти не отличается от физиологического сна.

Отвечу и на другой вопрос. Можно ли сделать пересадку заменить человеку большой орган здоровым?

Думаю, что через несколько лет это станет реальной действительностью. В настоящее время врачи пересаживают роговицу глаза, заменяют поврежденные сосуды консервированными, из локустов кожи больного и хрящей создают искусственные гортани и пищеводы.

Сейчас разрабатывается новая методика переливания крови: не в вену больного, а непосредственно в аорту. Это позволяет бороться с самыми тяжелыми осложнениями, возникающими при операции.

Сейчас мы проводим на животных опыты, которые, вернее сказать, интересны и на то время, пока длится хирургическое вмешательство, соединяем ее артерию и вену с артерией и веной большой собаки. животных создается возможность на 30 и более минут выключить сердце оперируемого.

Ослепительная струя расплавленного металла устремляется вниз, озаряя цвет голубоватым ярким светом. Крупные оранжевые искры разлетаются вокруг, медленно угасая на полу.

Но где же обычные формы — износимцы — в которые разливается сталь? Здесь их не видно. Жидкий металл стекает в воронку огромного сооружения, на верхней площадке которого собрались люди в меховых, негнущихся спецодеждах. Гудят внизу неяркими мотыльками, подрагивая под ногами площадки.

Сооружение, о котором рассказывается здесь, называется установкой непрерывной разливки стали. Это здание высотой с пятиэтажный дом, 800 механизмов и 49 электромоторов находится в установке, 4 километра труб и 15 километров проводов смонтировано в нем.

Человеку, незнающему металлургии, может показаться странным, почему для разливки металла потребовалась построить такое сложное и громоздкое приспособление. Но для того, чтобы лучше понять значительные свойства новой машины, нужно познакомиться с особенностями разливки стали.

В металлургии уже десятки лет расплавленную сталь сливают в специальные формы — износимцы. Металл

оставает несолько часов и превращается в слиток. Но вот здесь верхняя часть слитка окисляется и неполомливой. При остывании в ней образуются раковины, которые делают металл пригодным для производства. Приходится удалять порочный кусок от слитка и только тогда отстреливать его на прокатный стан. Почти одна пятая всей выплавляемой стали уходит в переплавку.

Советские металлурги сконструировали специальную установку для непрерывной разливки стали. Она построена на вводе «Красное Сормово». На

этой машине воисте нет никаких форм-износимцев. Расплавленная сталь на новша попадает в особую воронку, а оттуда в два узких, четырехгранника подкатлизатора. В них металл быстро остывает. Ворону густеет и получает форму брусков. Сверхнаходящиеся расплавленные бруски медленно спускаются из кристаллизатора. Внизу бруски подхватываются валиками.

Два прокатных мотылька спускаются все ниже, постепенно темнея, а в самом низу установкис расплавленные бруски и отрезают от брусков ровные куски стали.

Как производится непрерывная разливка. Вверху еще льется сталь из особой ослепительная струя жидкого металла, а внизу со звоном падают на транспортер оранжевые куски стали. Они сразу же отправляются на прокатный стан.

Способ непрерывной разливки стали дает большую выгоду по сравнению с обычной. Машинная, построенная советскими, позволяет сэкономить до 100 миллионов рублей. Прокатчики получают дополнительно сотни тонн стали.

Еще недавно в стране не было непрерывной разливки стали, была единственной в стране установка подобная установкам появилась и в Ново-Уральском металлургическом заводе.

Скорю непрерывная разливка стали будет осуществлена на многих металлургических предприятиях. Тогда наша страна получит еще больше нержавеющей стали. Не случайно в Директивах XX съезда Коммунистической партии по шестому пятилетнему плану заложено: «Внедрить в широких масштабах высокопроизводительный способ непрерывной разливки стали, позволяющий улучшить качество и уменьшить выходы готовой продукции».

А. ВОЛЮДИН

Обычно же выключают сердце при операции уходит не более чем на пять минут и то с большим риском.

В Директивах XX съезда Коммунистической партии заложено: «Внедрить в широких масштабах высокопроизводительный способ непрерывной разливки стали, позволяющий улучшить качество и уменьшить выходы готовой продукции».

Освоение новых методов и средств лечения и профилактики.

Врачи и ученые нашей страны прилагают все силы, чтобы осуществить эти указания партии, и добьются еще больших успехов в развитии отечественной хирургии.

М. Врубель.

Пан. 1899 год.

М. Врубель. Демон и Тамара.
(Иллюстрация к поэме М. Ю. Лермонтова «Демон». 1890 год.)

М. Врубель. Свидание Анны Карениной с сыном.
(Иллюстрация к роману Л. Н. Толстого «Анна Каренина». 1883 год.)

связана с творчеством великого Лермонтова.

У Врубеля не было ни учеников, ни последователей. Когда появлялся его рисунок и картина, то они встречались в лучшем случае холодно. В худшем — подвергались высокомерному осуждению. Журнал «Артист» писал: «Совершенно невозможны иллюстрации Врубеля к «Демону», «Русский Вестник» отказывался еще резче: «Издатели поручили почти всю работу несемому художнику Врубелю, дающему ряд самых невозможных и нелепых композиций. Сам издатель, Кушнерев, уже после выхода сочинений Лермонтова в свет восклицал, обращаясь к художникам: «В какую историю вы меня вовлекли с этим Врубелем! Его все бранят и никто ничего не понимает в его рисунках». И только у молодых художников — Серова, Нестерова, Голубина, Коровина, Пастернака — картины и рисунки Врубеля вызвали подлинный восторг: они жили в них то, что им самим не было в состоянии почувствовать,— глубокое проникновение в самую суть творчества Лермонтова.

Свой жизненный путь талантливого художник закончил в психиатрической больнице. Слишком была нагрузка, слишком самозабвенно растрачивались душевные силы. Но даже будучи тяжело больным, в редкие периоды просветления он снова брался за кисть и палку, работал до изнеможения, отвергая вмешательства врачей.

Доктор Усольцев, в лечебнице которого долгое время находился больной Врубель, писал: «Это был художник-поэт, асем, своим существом, до самых глубочайших тайников психической личности. Он теория всегда, можно сказать, интуитивно, и творчество было для него так же легко и так же необходимо, как дыхание... Часто приходится слышать, что творчество Врубеля — большое творчество. Я его и внимательно изучал Врубеля, и я считаю, что его творчество не только вполне нормально, но так мучительно и прочно, что даже ужасная болезнь не могла его разрушить».

Врубель дорог и нам, советским людям. Выросший как художник в те годы мрачной реакции, когда «Победоносцев над Россией простер совиные крылья», он носил в себе чувство гневного протеста против окружающей жизни. Протест преломился у него в острую душевную боль, не находившую выхода в активной борьбе, и эта боль истерзала его сердце, сломала тонкую натуру художника.

Великий русский актер и певец Федор Шаляпин в своем воспоминании писал: «Я не смею быть критиком, но мне кажется, что талант Врубеля был так грандиозен, что ему было тесно в его творческом теле. У Врубеля погиб от разлада духа с телом. В его задумчивости действительно чувствовался трагизм. От Врубеля мой «Демон»».

Картины и рисунки Врубеля волнуют и поражают нас. На них печаль истинного таланта — таланта большого, яркого, заставляющего задумываться, рассуждать, мыслить, волноваться...

Нин. КРУЖОК

БЕССМЕРТИЕ ПОЭТА

Песни меня учили,
Нак жить и как смерть встречать,
И вперю я смерть мой тело

Будет песней то же
звучать.

Так писал в ожидании смертного приговора татарский поэт Муса Джалиль в фашистском застенке Моабит.

Двенадцать лет назад фашисты казнили поэта за активную работу в коммунистическом подполье. Джалиль погиб на боевом посту; за исключительную стойкость и мужество, проявленные в Великой Отечественной войне, ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Замечательный поэт, завершивший свою жизнь бессмертным подвигом стойкости и верности Родине, творил, «чтоб в земле врезал след поглубже, позаметней, и потому веровал, что дела его будут жить в народе, «слово дуб тысячелетний».

Перед нами новый сборник стихов Джалиля. Каждая страница этой книжки — исповедь поэта, большой, взволнованный разговор о судьбах Родины, о дзенихх молодого поколения, взращенного Коммунистической партией. В стихах — биография самого поэта, активно вступившего в жизнь. Он всегда был вместе с теми, кто самоотверженно трудился на легах новостроек верных пятилеток; его волновал подвиг полярников, осваивающих суровую Арктику; он горячо интересовался борьбой великого китайского народа.

Джалиль — публицист большой силы. Его стихам свойственно огромное общественное звучание, но он также и тонкий лирик, умеющий глубоко и пронзительно писать о своих чувствах, раздумьях, навеянных взволнованной мечтой о большой любви, народном счастье, мире, коммунизме.

О чем бы ни писал Джалиль: о глубоких социальных преобразованиях в жизни татарского народа, о дочке, ради счастья которой он готов взять скорюк болезней всяких Сария, о трагедии приключившейся Бабушки Сария, о веселии маленькой Лотты — всегда он верил в победу добра и справедливости. Поэт радовался, что вместе с Отчиной своей радовался и он сам и все его поколение молодых строителей нового мира.

Джалиль совсем еще юношей с оружием в руках защищал завоевания Советской власти. Не поле боя он добывая право учиться и создавать. Будучи комсомольским работником, совмещая учебу с работой, он закончил Московский университет, затем стал известным журналистом, критиком, поэтом.

Джалиль гордился тем, что его энергия и страсть борца отданы родной стране, Коммунистической партии.

Я прожил снова учебу,
Снова годы работы
И гражданской войны,
Я вливал мою молодость
Калдыни поэта
В новостройки страны.

Муса Джалиль.

С первых дней Великой Отечественной войны наш поэт был на фронте комиссаром. В партизане между сражениями он писал горячие стихи о Родине, партии:

И чем грознее смерти крылат,
Тем Родину люблю сильнее.
Свою любовь я в песню вложил,
И вперю я бой походу и с ней.

Недолго была фронтовая жизнь Мусы Джалиля. Весной 1942 года на Волховском фронте тяжело раненого поэта захватили в плен и бросили в концентрационный лагерь. Но победить сердце коммуниста им не удалось. Джалиль, находясь в лагере, создает подпольную коммунистическую организацию, устраняет побегов из лагеря, выпускает листовки, пишет стихи и песни. Подпольная антифашистская группа поэта была раскрыта. Его бросают в гитлеровский застенок — берлинскую тюрьму Моабит.

Мы долго не знали о судьбе Джалиля. Только спустя несколько лет дошли до нас две самодельные записные книжки, в которых убоистым почерком Джалиля были написаны 115 стихотворений. Они рассказали нам о писателе поэта-коммуниста. Подобно Юлиусу Фурцину, он оставил потомству поэтический репортаж, который создавал в кандалах, под топором палача.

Наша молодость
славной и сильной был.
Пусть над нами
сырые своды тюрьмы,
Верность Родины нашей,
Ое дзенихх
Этой смертью дозвонит,
товарищи,
мы.

Стихи Джалиля, написанные в тюрьме и названные моабитским циклом, занимают в сборнике большое место. Его музественная лирика, поэмы на сказочные сюжеты, гневные публицистические строчки, сатирические эпиграммы, веселые бытовые картины — все пронзано восторженной любовью к жизни, каждой борбы.

Молодежь будет учиться мужеству у замечательного татарского поэта Мусы Джалиля, пятидесятилетие которого недавно отмечала вся страна.

М. МИХАЙЛОВ

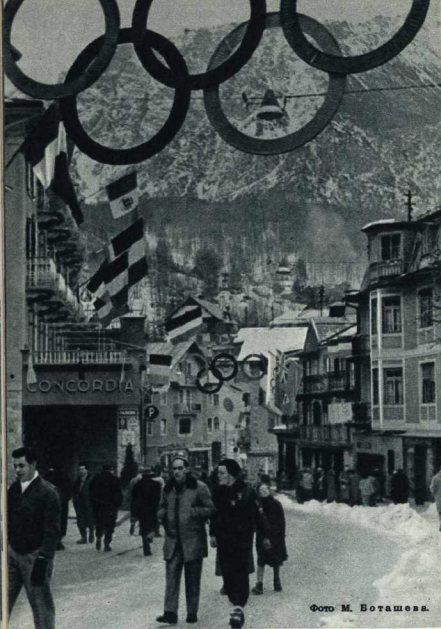

Фото М. Боташева.

ОДИННАДЦАТЬ ОЛИМПИЙСКИХ ДНЕЙ.

Кортина д'Ампеццо. Название этого альпийского городка мы слышали и в Праге, и в Париже, и в Ницце — всюду, где совершал посадку самолет, прежде чем доставить нас, советских журналистов, в Италию. Люди горячо говорили о предстоящих зимних олимпийских играх.

Словно «вмешало» нас несколько курорт Ниндзю, не получившими ни ее и в Риме, где среди зеленых газонов ярко простерли примулы и леополы. Пожалуй, только у витрин радиомагазинов в Риме, где выставлены телевизоры, мы наконец-то увидели зиму. По вечерам здесь собирались толпы зрителей, наблюдая за последними трюками спортсменов, уже собравшихся в Кортина д'Ампеццо.

С разных концов земли в Кортина д'Ампеццо съезжались любители спорта. Наплыв туристов оказался столь велик, что уже на дальних подступах к этому небольшому городку были выставлены полицейские патрули, контролируемые приток туристов. В городе сразу сделалось тесно.

Любители спорта разместились и в дальних селениях, ежедневно совершая путешествия к месту соревнований.

Особый интерес вызвали состязания сорокоходов на катке озера Миаурина. Конькобежцы выступили блестяще: установили новые мировые рекорды, а также десятки национальных рекордов. Были

обновлены и все олимпийские рекорды в беге на 500, 1500, 5000 и 10000 метров.

Запомнилась первая забег олимпийского турнира конькобежцев.

...На старте Евгений Гришин и англичанин Джон Кроушей. Прозвучал выстрел стартового пистолета, и спортсмены в техническом трико с золотым гербом на груди стремительно понесся по ледяной дорожке. Казалось, не успели еще отряхнуть заухи выстрела, как Гришин пересек линию финиша.

40,2 секунды! Новый мировой рекорд. Так блестяще начал свое выступление советские спортсмены.

А вечером на ледяном стадионе в Кортина д'Ампеццо зазвучали серебряные фанфары, погасли прожекторы, и на фоне олимпийского пламени тысячи зрителей увидели возвышающегося на пьедестале почета Евгения Гришина. Он завоевал золотую медаль чемпиона олимпийских игр, а честь его победы торжественно провозвучал Гимн Советского Союза, в ночное небо взвилась альф флаг нашей Родины.

Радом полыхало на ветру еще одно красное знамя — в честь победы молодого советского конькобежца Рафаэля Грчи. Он завоевал право на олимпийскую серебряную медаль.

На другой день картина почти повторилась: опять на пьедестале почета два советских спортсмена — Борис Шилков ставший победителем бега на 5000 метров, и Олег Гончаренко, занявший третье место.

Прошел еще день, и зрители стали свидетелями редкого в конькобежном спорте события. Сразу два спортсмена вместе поднялись на высшую ступень пьедестала почета! Две золотые олимпийские медали были вручены одновременно — выйдя выходящими скороходам — Евгению Гришину и совсем молодому спортсмену Юрию Михайлову.

К четвертому дню соревнований наши конькобежцы из трех возможных золотых медалей завоевали четыре. Необычайный успех!

Но не только конькобежцы приносили победы советскому спорту. Прекрасно провели лыжную гонку на 10 километров наши спортсменки. Интересно, что вместе с олимпийским турниром разыгрывалось и первенство мира по лыжному спорту. Любовь Козырева стала одновременно чемпионкой мира и олимпийских игр. Такие же звания завоевали Владимир Кузин, Федор Терентьев, Павел Колчин, Николай Авинов в эстафете 4 × 10 километров.

Встреча хоккеистов СССР и Канады.

Мы не будем перечислять всех победителей, останавливаться на каждом виде соревнований. Любители спорта так привычно помнят результаты по отчетам, которые публиковались в газетах. Нет нужды повторять и счет, которого добились наши хоккеисты в трудных, напряженных играх олимпийского турнира. Это всем памятно.

Но особенно радостными были те минуты, когда, наконец, прозвучала финальная сирена последней игры и советские хоккеисты бросились поздравлять друг друга. Это была большая победа всего советского спорта. Не случайно итальянцы, шведы, норвежцы, австрийцы и многие другие зрители выходившие на трибунах, так горячо поздравляли советских туристов; а ложу прессы, где работали советские журналисты, бурною лавой тележурналист Валенте — киноактер, знакомый советским зрителям по фильмам «Нет мира под оливками» и «Терза Равен», — и с воодушевлением «Болла» (Пьероли) стали жалеть на зрелище.

Чем же замечательна эта победа? Почему она вызвала такую бурю восторгов?

Может быть, лучше всего это объяснил тренер знаменитых канадских хоккеистов: «Наши игроки славы, а наши... — и он многозначительно постукал себя пальцем по голове.

«Одиннадцать дней в итальянском городке Кортина д'Ампеццо горел олимпийский огонь, одиннадцать дней продолжалась захватывающая борьба спортсменов».

Эта фраза обошла многие газеты и журналы мира. Но не всегда, а это необходимо было подчеркнуть, отмечалось, что это была очень дружественная, очень теплая встреча спортсменов различных стран. И несмотря на то, что олимпийские игры прошли под знаком укрепления дружбы между всеми народами, сыграю участие в олимпиаде советских спортсменов. Они не только проявили себя отличными бойцами, но и всегда с уважением относились к соперникам, первыми спешили поздравить победителей. А когда побеждали сами, то старались помочь и другим достичь высоких результатов. И как аллюдовое стадион, когда в центре ледяного стадиона сжались, чтобы обняться с рукопожатием, итальянцы и американские хоккеисты! Сколько радости было на лицах американских спортсменов, когда наши хоккеисты навесили им дружеский визит и обменялись на память значками...

— Русские — очень простые и открытые люди. И эти простые спортсмены, — вот слова, которые нам приходилось слышать от представителей самых различных стран.

Сейчас, когда потух олимпийский огонь, мы прежде всего вспоминаем не о медалях не о тех олимпийцах, победителей или некоторые буржуазные газеты. Если считать медали, у нас их больше всех. Если складывать очки, то и в их мы набрали намного больше других. Мы победили в четной спортивной борьбе. Но еще более важным является то, что советские спортсмены сказали новое слово о своей великой стране, они укрепили дружеские связи со спортсменами из всех стран мира.

В этом, пожалуй, главный итог VII олимпийских игр.

В. ПАШИН

Лирика

Оплет знакомая опушка,
И вечер тих, и даль светла
В свои степные колотушки
Во рини стучат перелета.
Мне ветер
Веткой липы машет
И что-то хочет рассказать.
И свеж, как прежде,
Снег ромашек,
И мир глядит
Во все глаза.
И вдруг припомнилось бывшее:
Сюда, подальше от села,
Украдкой
Мы ушли с тобою,
А мать звала тебя, звала...
К ней плыли тучи ветровые,
Ея отклонился лес поочной,
Но ты в тот дальний час
Вперыва
Не подала ей голос свой.

Рисунки В. Орлова.

Пуская повсюду топчется
Зима со снежной ношею,
А мне сегодня хочется
Пройти с тобой порошею,

Сказать такое нежное,
Чтоб все снега растаяли,
Чтоб птицы в даль безбрежную
Вдруг устремились стадами...

Дымит дорога мглыстая,
Ей так природой велено.
На золоте ресниц твоих
Снежники тают медленно.

Ты все, как сказка змяная,
Как молодая рождица.
О чем-нибудь спроси меня —
Молчать мне так не хочется...

Обратно взял бы слово я,
Что нас с тобой поссорило.
Случайность пустынная
Нам столько в жизни стоила...

Украва дней сияние,
Ночью огней сияние,
И радость при свидании,
И грусть при расставании.

Но нет, все выюга змяная
Не сгоревшая заново!
О чем-нибудь спроси меня...
Нет, ни о чем не спрашивай.

Ведь нету слов изможенных,
Оплет пришли заветные.
И нету троп искоженных,
Стоим двадцатилетие.

Взгляни, вновь роца в инее,
И солнце светит молодо.
Платок тебе назови я.
А может, так не холодно!..

Сибирь,
Разлив осенних красок!
Заводела трубы
Небо хмурит.
Как будто бы
Из новых сказок
Богатыри
Стоят и курят.

Сибирь, Сибирь!
Дымкой по склонам.
Дохнула первая морозы...
А за окном,
А за вагоном
Горят,
Как факелы, березы.

Мне путь березки освещали.
От листьев,
От стволов лучистых
Шел свет...
Не потому ль считали
Мы их
Приметно Отчизны!

Высокий порог

Мне нравилась
Женщина молодая...
Я был очень юн.
Я жил,
Всем сердцем в ней узнавая
Судьбу свою.
И мне тогда был
Никуда не страшен
Муж ее — капитан,
Взгляд неподвижный его
И даже
Его шаг.

Однажды я
Постучался к милой,
Нарушил тишь...
Но не она мне
Дверь открыла,
А сын, мальчик.
Пусть лучше муж бы...
Он, верно, тоже
Ведь ждал всего.
А вышла мальчик,
Чем-то половон
На братишку моего.

И сразу вырос
Больше чем втрое
Каверный порог...

Таком стал высоким,
Что унес его я
Переступить не мог.

Заструился восход над Заречьем.
Стало небо совсем голубым.
После сна разминают плечи
Бронзой тронутые дубы.

Над молоденькою отавкой
Седниною роса лежит.
Ветер глядит ладонью мягкой,
По отаве рёсной бежит.

Так вот детство мое он глядит
По взвращенным волосам
И встает на пути тетради,
Те, что нам оставляли там

Сразу после занятий в школе,
Их до дому не довнеса.
Ведь казалась тогда: в футболе
Вся забота, наука вся.

Я на сына сейчас наглядеться
Не могу. Не ругайся, мать...
Это трех ведь большой —
у детства
Даже день, даже час отнять.

Весна и осень

Когда весна,
Светятся ручьями,
Снежит дорогою своей,
Нам вернется:
Ее путями
Идем мы в юность
Вместе с ней.
Когда же осень
Шубой лесной
Лягнется под ноги,
Тогда
Нам чудится
Не шорох листьев,
А отозвешие года.

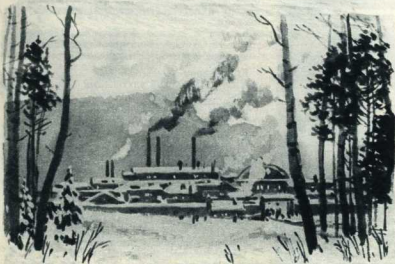
Счастье полководца

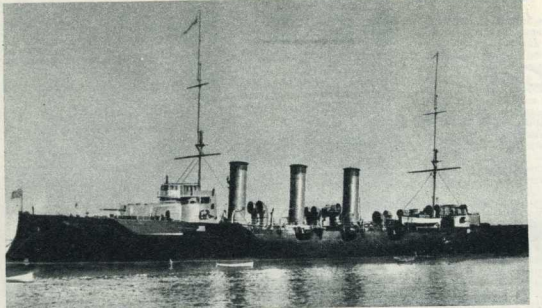
Треуголка снята,
Коль весь взяли.
Неприступен
И суров на вид,
Бронзовый Суворов в Измаиле
Над центральной площадью
парит.

На газонах
Тихо дремлют розы,
Воздух от цветения
Хмельной,
Школьники, рабочие, матросы
Вышли погулять
Под выходящей.

Кинув надевшие игрушки,
Робятишки шумною гурьбой
Обступили бронзовые пушки
И до драки спорят меж собой.

...Есть большое счастье
полководца —
Знать, что там,
Где кончил он с войной,
Радость ходит, детвора смеется,
Мирный свист
Шумит под выходящей...

Крейсер «Очаков», на котором вспыхнуло восстание матросов в ноябре 1905 года.

«О, я сумею умереть за них!»

(К 50-летию со дня гибели лейтенанта Шмидта)

Весной 1923 года мне, тогда еще молодому моряку, довелось присутствовать на одном судебном процессе в Севастополе. Вследняя военная коллегия судила бывшего офицера царского флота М. Ставрика, который в марте 1906 года участвовал в расстреле лейтенанта Петра Петровича Шмидта и его боевых товарищей.

В большом, автосалонно обшитом зале исторически все допрос подсудимого, давали показания свидетели и эксперты. Старые рабочие, участники революционных событий 1905 года, рассказывали в этом зале о всеобщей забастовке в Севастополе, о митингах, которые стихийно возникали в городе.

Лейтенант Шмидт часто выступал на этих митингах с горячими речами. Он вместе с рабочими ходил к городской тюрьме с требованием освободить политических заключенных, по эту безоружную демонстрацию австрия расстреляла жандармы. Через несколько дней, когда коронны убитых, лейтенант Шмидт произнес свою знаменитую речь-завлыв.

Сорок тысяч человек — рабочие, матросы, солдаты — собрался на городском кладбище. Шмидт говорил тихо, но все отчетливо слышали его. Он призвал дать клятву перед телами убитых — никогда не отступать от борьбы с самодержавием, до конца отстаивать свои права. Эта речь вскоре облетела весь мир. Командующий флотом адмирал Чухин приказал арестовать лейтенанта Шмидта и посадить в карцер за бронеюсет «Три святителя». Узнав об этом, севастопольские рабочие потребовали освободить Шмидта. Со всех концов страны в Севастополь полетели телеграммы с гневными словами протеста.

Напуганный адмирал вынужден был освободить Шмидта из-под ареста, но при этом отстранил его и от службы.

Лейтенант Шмидт очень часто отзывался о тех, кто заболел о нем в дни заключения. Он благодарил севастопольских рабочих, которые еще до ареста избрания его своим «пожизненным депутатом».

— Выше этого звания нет на свете, — говорил он друзьям. — Своими чуткими душами рабочие сумели снять с меня невнятную мою офицерскую оболочку и призвать во мне их товарища, друга, соседей их людей. Они никогда не позволят о том, что выбрала меня пожизненным депутатом! О, я сумею умереть за них!

Биография Шмидта очень интересна. Родился он в семье контр-адмирала, окончил Мор-

ской корпус, но, видя многочисленные неурядицы на флоте — бесправие матросов, казнокрадство, алойство в военной науке, — он решил уйти в отставку. Командование радо было освободиться от беспокоебного мичмана.

Для лейтенанта началась новая жизнь. Он поступил штурманом в торговый флот. Заграничные походы, чтение литературы, изучение жизни на рубежом и сопоставление ее с жизнью родной страны не проходили бесследно: все вызвало мысли о необходимости переустройства России, — но осуществить это переустройство Шмидт думал а то время методами «мирной борьбы» с самодержавием. Судя по его письмам и воспоминаниям, он считал своими учителями и наставниками народников. Но на практике он стремился укрепить связи с революционным народом, с матросами.

Во время русско-японской войны Шмидт был призван из запаса в военно-морской флот. И когда в Севастополе развернулись грозные революционные события, он не остался в стороне. Молодой офицер смело взял на себя командование воставшим флотом.

...11 ноября 1905 года в рабоне казарм флотской дивизии возник большой митинг. Командир дивизии контр-адмирал Писаревский попытался разогнать «сборище». Длунм ротам было приказано «стрелять в толпу». Но матросы и солдаты карательных подразделений не подчинились приказу и направили оружие на своих командиров. Были ранены контр-адмирал Писаревский и штабс-капитан Шейн. В тот день и началось вооруженное восстание, которое возглавил матросский Совет.

Этот Совет был неопределен по своему составу: в него входили меньшевики — закоренелые противники решительных действий. Вот почему, вместо того чтобы воспользоваться революционным подъемом и арестовать реакционных офицеров, руководители восстания митинговали, составляли бесконечные требования и ретинция.

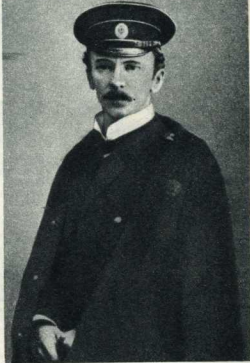
12 ноября был образован Севастопольский Совет матросских, рабочих и солдатских депутатов. Но и в нем меньшевики продолжали вести хитрую, предательскую политику, расставившую на поражение восставших. Из-за их подравной деятельности благоприятный момент для решительных действий был упущен, враги успели собраться с силами. Адмирал Чухин, который незадолго до этого писал морскому министру и царю о том, что он уже не обладает никакою силой, снова воспринял

духом и стал усиленно готовить наступление на восставших.

В этот тяжелый для революции момент на квартиру к Шмидту прибыли делегаты от матросов и попросили его приехать в казармы флотской дивизии. Среди революционных матросов было много решительных людей, но им не хватало военных знаний. Нужен был образованный, смелый офицер, которому можно было бы доверить военное руководство восставшим. Шмидт приехал в казармы и согласился возглавить революционный флот, хотя по своим политическим убеждениям он все еще оставался противником вооруженной борьбы.

Став во главе восставших кораблей, он потребовал немедленного ареста офицеров, перешел к правительству, а также освобождения потемкинцев, которые находились в ожидании суда а цловцеве тюрьме «Прут».

Был оставлен а общих чертах план восстания, в котором предусматривалось укрепление высот вокруг Севастополя, газод мостов и туннелей на подступах к городу. Намечалась отправка вооруженных кораблей в Одессу, Ни-

Лейтенант П. П. Шмидт.

колева, Очаков и на Кавказ с тем, чтобы помочь местным органам революции овладеть этими городами.

Наибольшую революционную активность проявляла команда «Очакова». Этот крейсер и избрал Шмидт своим флагманским кораблем. На матче «Очакова» он поднял сигнал «Командую флотом, Шмидт» и одновременно послал царю телеграмму:

«Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от вас, государь, немедленного соизволения прекратить сборннца и перестать поновлять ваши милости».

Командующий флотом
гражданин Шмидт.

15 ноября 1905 года, с. Севастополь».

Командиром «Очакова» был назначен боец-мажор И. Уланский, вахтенным офицером — матросы и старшины. В своих воспоминаниях Уланский пишет: «...порядок на крейсере царя необычайный. Все команды исполняются молниеносно. Матросы предлагали даже отметить традиционную «карау».

На других восставших кораблях командиры были поставлены также матросы и старшины.

Утром 15 ноября Шмидт на контрминопосе «Смерный» обходил корабли флота, признавая экипажи перейти на сторону революции. Но большинство кораблей не решилось на этот шаг: реакционные офицеры сумели удержать команды в повиновении.

Силы восставших и сил их врагов были явно неравными, поэтому исход боя, начавше-

В ЭТОЙ У НЕГРИТАНСКОЙ АКРИСЫ

госа вскоре на рейде, был прерван. Крейсер «Очаков» стоял под сосредоточенным огнем кораблей и береговых батарей. На нем погибли около 300 человек. Сам Шмидт был схвачен. Революция жестоко расправилась с восставшими. Суду было предано свыше 400 человек. Сразу судить столько людей было опасно. Поэтому правительсто решило в первую очередь расправиться с наиболее активными моряками-революционерами. Морской министр Виллардо телеграфировал Чухачеву: «Судебный повелел выдвинуть дело Шмидта из прочих дел и вести его наскоро и в таком виде. Скажите Крамаренскому (прокурор Воинно-морского суда), что если он осмелится потерять хотя бы один день, будет исключен от службы, а судья уже дважды обривался, когда кончился день».

Черноморская пресса развирнула безудержную кампанию клеветы, ставящая очернить революционных моряков. Особенно подверглась нападкам Шмидт. Реакционерная пресса прежде всего тот факт, что он, морской офицер, дворянин, сын адмирала, пошел вместе с революционными матросами против самодержавия.

Прокурор и следователь неоднократно предлагали Шмидту написать покаянное письмо царю и тем самым избежать смертного приговора. Но Шмидт гордо отверг это предложение, заявив, что слова покаяния и доверности менять не станет и что если его помилуют, то он снова начнет с того же самого, то есть с борьбы против царизма.

Судить моряков в Севастополе царские сапраны побоялись; суд проходил в залотульной крепости Очаков, при закрытых дверях.

В своем последнем слове Шмидт сказал: «Я знаю, что столб, у которого ястану я принять смерть, будет воздвигнут на грани двух разных исторических эпох нашей Родины. Сознание это дает мне много силы, и я пойду к столбу, как на молитву...»

Поздн за спиной у меня остаются народные страдания и потресканные тяжелых лет, а вперед и буду идти молодую, обаятельную, счастливую Россию...»

Речь Шмидта была такой страстной и сильной, что солдаты охраны, оставив в сторону винтовки, плакали. Воследствием некоторых из них это привело к самоубийству.

Суд приговорил Шмидта к смертной казни. Вместе с другими тремя руководителями востания — С. Частников, А. Гладковым, Н. Антоновым — его казнили равным утром 6 марта 1906 года. Осажденные не позволили завласть себе глаза. Все поочередно объявлял, и Шмидт сказал:

— Поимте, родные, за что полюбил, за какое великое дело — дело свободы.

С горной воинской головой он подошел к столбу, смело главу на подвешивающ дуде выштол. По словам очевидцев, линия штыков у первой шеренги матросов с кандалы «Генер» все время дрожала: волнение охватило даже тех, кто выполнял это черное дело.

Народные массы, которые после третьего дня окровавленного Шмидт поднимали знамя и бросил плавающим все последнее проклятие.

Помню, на суде, в тишине напряженного зала, один из свидетелей говорил: «Когда я открыл глаза, то увидел бледного лейтенанта Старавки, который иерарх сошел в кабину революьер и никак не мог его туда загнать...»

Царское самодержавие боялось и мертвого Шмидта. Оно не разрешало выдать его тело даже сестре, опасаясь, как бы похороны героя не вызвали новое восстание.

Похоронили четверых героев-революционеров там же, где расстреливали, — на пустынном острове Березань. Очаковские рыбаки выловили из их бездны много крест из гальки, обточенной волнами. Следствие это сил ньюно, когда никого на острове не было.

После февральской революции останки героев-моряков были перевезены в Севастополь. Там жила, борясь и умер верный патриот нашей Родины Петр Петрович Шмидт, беззаветно любивший свой народ, отдавший за него жизнь. Светлое имя его будет всегда для нас ярким примером стойкости и мужества, беззаветной преданности Отчизне.

Генерал-майор П. МУСЬЯКОВ

Опустился занавес, стихли аплодисменты. Но девушка-негритянка по имени Бесс все еще не может прийти в себя. Глаза полны печали и тревоги, словно то неотраженное и страшное, что несомненно минуло назад разыгралось на сцене, произошло в действительности. Торговец наротиками, распутник Спурингтон, обманувший глум уезжая в Нью-Йорк. Что ждет бедную Бесс в этом огромном, безобразном городе? А Порги? Что станется с ней? Какой Угол угнетения, негу, негуманно, в злоепохиче мире наивна, наслонна и лири?

— Она сидит перед зеркалом, и то заученно, то неуверенно настроенно девушкам видно, что мысли ее далеко удалено отсюда. Мовет быть, в эту самую минуту ей вспоминались разные места, затерявшиеся где-то в знойной штате Алабама, где порогом ее детство.

Но вот снит грим, и перед нами уже не затерянная нонна обитательница бедного негритянского квартала в Чарлстоне, а совсем другая юная девушка с улыбающимися лицом цвета темной бронзы и шальной курчавых, по-американски покрученных волос.

Это Этель Эйлер, двадцатипятилетняя актриса американской труппы «Эримен-опера», постигшая недавно в Советском Союзе, одна из двух исполнителей главной женской роли в музыкальной драме Джорджа Гершвина «Порги и Бесс».

Этель Эйлер в Советском Союзе впервые. Но она нонна слышала о нашей стране, где питают одинаковое уважение к человеку любой национальности и цвета кожи, где с особым сочувствием относятся к угнетенным людям, будь то насильственно оторванные от своей родины индейцы из Гоа или юности и девушки борющиеся Ленин...

В непринужденной, дружеской беседе Этель Эйлер рассказывает нам об артистах труппы «Эримен-опера», о том, какое впечатление произвело на нее, негритянку актрисе, советское искусство, о ее вamu сцене и о том, как она и ее коллеги прощались с родной страной.

— В составе нашей труппы находятся и другие артисты — сценисты, как Катрин Эйлер, Уильям Визн и Аннабелла Росс. Много молодых артистов, к их числу относятся,

напримен, Лесли Сногг — исполнитель роли Порги, актриса Марта Флауэрс, Глория Уитли, Желлен Фергюсон.

С успехом играют в спектаклях и совсем юные артисты — Джорджи Ройстон и Гейл Барнес. По возрасту это еще дети, но как умело справляются они со своей маленькой ролью! И в этом нет ничего удивительного: ведь десятилетняя Джорджи и девятилетняя Гейл в нашей труппе со дня ее основания. Это в нашем театре и совсем крошечная актриса. Это десятилетняя Шурейн — дочь Дины Мак-Керри, исполняющая в «Порги и Бесс» роль девочки Кроула. В каждом спектакле она провозносит одну и ту же наслонную, но полную драматизма реплику: — «Род! Роду!».

Далось это ребенку не без труда, но с наивным рвом Шурейн все лучше постигает заученные слова, получая за выслушивание по два доллара. Дети нашей труппы были на новогодней елке в Кремле, где весело провели время и получили подарки.

— Многие интересуются, как долго вы вчетверном о советском искусстве? — продолжает Этель Эйлер — узнать, что мне лично очень нравится русские опера и балет. Запоминис «Корсар».

1 Великий Поэт!

«Шурале» и особенно «Ромео и Джульетта» и «Война и мир». Пленна меня в их главных образах музыканта. Мне особенно нравится музыка Сергея Прокофьева. Кстати, его балет «Лобов» и трем артистам пользуются немалым успехом в Соединенных Штатах. Но еще больше ценю его душу музыканта Чайковского. И не случайно, когда и только ступила на музыкальную сцену в Чикаго, в моем репертуаре были прежде всего романсы этого выдающегося композитора.

— И хотела бы передать читателям вашего молодого журнала и всем молодым людям Советского Союза — сказала в заключение негритянская певица, — что я желаю горячим сторонницей мира между народами.

На прощание Этель Эйлер подарила нам свою фотокартку с надписью адресованную читателям «Свечи».

Мы вышли на улицу. Свернула разноцветными огнями посеребренная улица, плащидея Раволонки. И как неугасимая маяки мира, напомнили в туманном небе крошечные звезды, которые вселяют в сердца миллионы простых людей столько надежды и веры в светлое будущее человечества.

Б. ЗОРИН,
Л. МОРОЖИНА

Надолго запомнится юным артистам труппы «Эримен-опера» новогодняя елка в Кремле.

БУДУЩЕЕ БИЛЛИ МАК КРЭЯ

Рассказ

Уолтер Кауфман — молодой прогрессивный австралийский писатель. В прошлом портной, рабочий, грузчик, матрос, солдат австралийской армии, он пришел в литературу, чтобы рассказать правду о жизни и борьбе простых людей.

Уолтер Кауфман — автор популярного в Австралии антифашистского романа «Голоса в бурю». Советскому читателю он известен по серии очерков, опубликованных в журнале «Новое время». Рассказывая в них об островах Фиджи, Кауфман выстелает как античный борец против колониального гнета.

На Всемирном фестивале молодежи и студентов в Варшаве Уолтер Кауфману была присуждена премия за лучший короткий рассказ.

Публикуемый рассказ «Будущее Билли Мак Край» автор переводит «Смены» во время пребывания в Москве.

Читателям «СМЕНЫ»

Я хотел бы назвать несколько имен, связанных с рассказом «Будущее Билли Мак Край»: о нем много упоминали о Советском Союзе. Пусть читатель сравнит судьбу Билли Мак Край — героя моего рассказа — с жизнью Гали, юной пионерки из Ленинграда.

Гали двенадцать лет. У нее большие лоскуты и голубые глаза. Это худенькая и грациозная девочка часто улыбается, но так же часто она становится не по годам серьезной. Таковой она запомнилась нам, когда рассказывала о своих мечтах.

Отец Гали — каменщик, мать работает на заводской конвейере. В комнате Гали много цветов, картин, книг. Ее самая любимая книга — «Планы Гайдера. Так же, как и Билли Мак Край, Гали мечтает о будущем. Она хочет стать горным инженером.

Да, Гали, твои мечты воплотятся в жизнь. Будущее в твоих руках. Если ты хочешь стать горным инженером, ничто в мире не может помешать этому.

И поэтому вспоминай иногда о Билли Мак Крае на Мельбурна. Он тоже хочет стать инженером. Но в нашей стране, Австралии, ему, как и его отцу, придется, наверное, работать догмером. Будем надеяться, что дети Билли, если он женится и у него появятся сыновья и дочери, смогут учиться, когда вырастут: «Мы хотим стать инженерами, фермерами, врачами, балеринами». И они станут ими.

Уолтер КАУФМАН

мый голос из дверей бара Хози.—

Собачья погонка, не правда ли? Это Билли грузчик Том, громадный детина, заваливший еще более неуклюжими в своих двух куртках, защищавших его от ветра.

— Нет, Том, спасибо. Я все-таки пойду прямо на пристань.

— Что толку? Погрузка задерживается уже на час. Дневная смена почти целый день просидела без работы.

— Нет, Том, спасибо. У меня нет желания сегодня пить,— ответил Мак Край и быстро пошел дальше.

Лом с кружкой пива в руке так и остался у дверей, глядя вслед товарищу. Но когда Мак Край поворачивался с баром Хотэмза, он, видимо, передумал. Довер протиснулся к стойке и спросил пива.

Бар был полон. Двое соробиды грузчики, прекратившие работу из-за дождя. Мак Край увидел много знакомых лиц. Какой-то человек, имя которого Мак Край никак не мог припомнить, попытался вступить с ним в разговор.

— В ночной работаешь, друг?

— Да.

— На каком корабле?

— «Куна. Седьмой северный.

— И я тоже. В каком лоуе?

— В первом.

— Как назва, мы закрыли его. Ребята говорят, если не перестанет дождь, ночную смену тоже распустят.

— Меня это не пугает.

— Какое тебе не нужны деньги!

— Нет! — резко бросил Мак Край. Его голос прозвучал хрипло.

— Да что с тобой, друг?

— Отважись от меня наконец! — разозлился Мак Край и, выплеснув на пол остатки пива, выбежал на улицу.

Дождь, хлеставший прямо в лицо, быстро охладил его, и Мак Край тут же раскисал в своем постылом. Он готов был вернуться в бар, чтобы угостить этого парня пивом. В самом деле, разве грузчик не имеет в том, что сына Мак Край не принимает ни в одно техническое училище — Мельбурна?

Мальчишка наверняка придется браться за любую работу, какая подвернется. Надежды на будущее рухнули. Но к чему же выносить во всем этом?

Часы на Спенсер-стрит показывали пять, и Мак Край, подавая желание вернуться в бар, направился к седьмому северному причалу.

Большинство ребят из ночной смены были уже на месте. Переминались с ноги на ногу, они сгрудились в тесный круг под навесом, куда их звали ледяные порывы ветра. Напротив застыла

«Куна» — металлическое чудовище, присовоенное и причалу.

Мокрые парусиновые тенты над люками судна яростно трепались на ветру. Умыло кричали чайки, набросившие на помор, которые корабельный кот выплеснул с палубы в реку. Седые сумерки, словно серая, грязная простыня, опускаясь над пристанью.

Мак Край подошел к десятнику, чтобы отчитаться. Тот пробормотал что-то о промливой погоде. Довер молча кивнул головой.

В это время один из грузчиков — старший в бригаде, работавший на кораблях с давних времен, — окликнул Мак Край:

— Ну, как дела у твоего Билли, Мак?

Мак Край поднял голову, помолчал, прежде чем ответить.

— Пока дела, Лофт, плохи.

— Как? Что случилось?

— Что случилось!.. Его не принимают.

— Не принимают! — с искренним удивлением таеростился Лофт. — Как же так? Твой сын — толковый парень, если я что-нибудь смысло в этом.

— Этого не слышал. С горячю посторил Мак Край. — Что проку? Нашим ребятам нечего мечтать об образовании. Это не для них.

Мак Край замолчал. К чему все разговоры!

Он снова вспомнил, как они с Билли ездили в училище. Билли был очень возбужден. Мальчик все время говорил о том, как он будет работать, когда станет ин-

Рисунки Г. Филипповского.

Дорога из Ментона до станции Фиджи-стрит заняла около часа. Все это время проливной дождь неистово колотил в окна вагона. И теперь, когда Билли Мак Край, поджав воротник и низко нагнувшись на лоб вентки, вышел из вагона, стремительный поток продолжался с шумом падать на платформу. Пробираясь сквозь толпу к выходу на Элизабет-стрит, Билли Мак Край с мрачным удовлетворением отметил, что в такую погоду на пристани вряд ли будут работать.

А завтра уже суббота, и он сможет попытать счастья на сменке, чтобы выжить стаканчик — другой с ребятами и мало-помалу забыть о том, что произошло сегодня с его сыном Билли. Он отправится в Кауффильд и рискнет сразу пятьдесят фунтами на Золотого Скакуна. На этот раз он поставит на карту гораздо больше. Размышляя так, Мак Край невольно усмехнулся. Но сомнения сразу же охватили его, и он понял, что двести фунтов сыно так и останутся в целости и сохранности, он не возьмет их из банка, чтобы прожить на сменке.

Мак Край пересек загроуженную машинными улицю и направился к бару Хози, разразившись проклятиями вслед грузнику.

Мальчишка громко выкрикнул новости. Газеты сообщали о страшной убиства, поносили демонстрацию в Германии, называя ее затеей коммунистов. Но Мак Край не интересовался ни убийства, ни законевия политика. Ему жаловало собственная забота. Довер вспомнил, как сегодня днем они с сыном возвратились из технического училища в Кауффильде. Билли сразу же забился в деревянный сарай позади дома и не захотел выходить оттуда. Мать принесла ему чашку чая и несколько лепешек, но он не притронулся к еде. Тогда Диний спросила мужа пойти поговорить с сыном, однако разговор не получилось. Билли в воскресном костюме сидел на бревне. Мальчишка била дрочью.

— Хватит, Билли,— сказал Мак Край,— не вешай нос. Поищем для тебя что-нибудь другое.

— Оставь меня, отец,— тихо сказал Билли.— Я не желаю.

Он не захотел, чтобы сказать сыну, и ушел.

Вспоминаю обо всем этом, Мак Край вздохнул. Невыразимая жалость и Билли снова охватыва его. В этот день все надежды мальчишка разлетелись в пух и прах.

— Заходи, Мак, выпей стаканчик,— послышался чей-то зло-

женером. «Если они только примут меня, отец, я стану учиться из всех сил, из всех сил!» — повторял он. А потом Билли неожиданно замолчал и выразительно посмотрел на отца. Мак Край стиснул руку сына и сказал: «Тебя должны принять, дружище. Пусть они только взглянут на твою аттестат!»

У слово «дружище» Мак Край вложил всю глубину взаимопонимания, возникшего между ними. Так было уже однажды, когда Билли мечтал, чтобы ему купили к рождеству игрушечный паровоз. Мальчик не смел просить об этом, потому что мать болела и денег в семье оставалось совсем мало. Но они с Джейм все-таки купили сыну в распродажу этот паровоз. Мак Край выполнил свое обещание. Ведь он сказал Билли: «У тебя будет паровоз, дружище». Но сейчас оказалось, что купить паровоз сыну было гораздо проще, чем найти ему место в колледже.

Они приехали в училище в келову, который ведал приемом. Рассматривая аттестат, человек вполне ясно повторял отметки Билли: «Хорошо, отлично...». Со стороны казалось, будто он рассматривает не аттестат школьника, а этикетку на винной бутылке.

Наконец человек поднял голову и промолвил:

— Аттестат хороший, мистер Мак Край, очень хороший. Ваш сын — способный парень, не сомневайтесь в этом. Но...

— Что вы хотите сказать?

— Дело в том, что у нас нет мест для всех желающих. Мы принимаем только самых лучших. Но Билли — один из лучших. Вы же сами видите...

— Да, но у нас нет вакансий. Через год — другой, может быть, найдется место. А сейчас ни одно техническое училище в Мельбурне не может принять и половины желающих.

— К кому же нам обратиться?

— Боюсь, что это ваши попытки окажутся бесплодными...

Вспомнив этот разговор, Мак Край стиснул зубы.

— Если бы ты только слышал, Лотфи, как мальчик шепотом подкашивал мне: «Скажи ему, скажи ему, отец, что я буду учиться из всех сил! Сердце могло разорваться от жалости, старик. У Билли был такой вид, словно кто-то ударил его по голове. И не мог тогда прямо сказать, но мне показало, что дело было вовсе не в отметках и свободных вакансиях, а в том, что я простой рабочий и говорил с ним по-простому. Именно это испортило все дело...

— Не знаю, Мак, — ответил Лотфи, — может, ты прав, а может, нет. Как бы там ни было, а место для твоего сына нет. На ракетные снаряды и атомные бомбы хватает средств, а вот чтобы дать нашим ребятам образование — на это денег нет...

Резкий сигнал прервал их. Дождь утих, над пристанью опускалась ночь. И только сверкающие брызги воды, в которых отражались огни пароходов, все еще манили кверху.

Грузчики медленно забирались на палубу. Пока они снимали бремена, растяннутые над люком, сквозняк обхватил прогнивший клочок оцинкованного заводского неба. Заржавевшие и сплюснутые ботлы лебедки из сплюснутых коробок прокатились от корабля к

кораблю и повис над рекой. Ночная смена приступила к работе.

Билл Мак Край со своими товарищами выгружал из глубокого трюма «кунья» ящики консервированных фруктов. Наверняка попертинное время, люди работали без передышки. Оцепенение, сковывавшее конечности, постепенно стало проходить. Все уже знали, что произошло с сыном Мак Край. Грузчики были полны сочувствия к своему товарищу, хотя никто не говорил об этом вслух.

Мак Край работал в унылом молчании, но вдруг он с яростью откинул ногой ящик, расправил плечи и, отойдя в сторону, закричал:

— К черту все это! Всеобщую забастовку надо объявить! Нам это не впервой, что толку надирать пальцы, если нет никаких надежд, если мы ничего не можем дать нашим детям!

Никто не проронил ни слова в ответ, но люди поняли его. И в эту минуту всем показало, что Билл Мак Край стал выше ростом.

А потом кто-то пронзительно вскрикнул:

— Посторонись!

Билл Мак Край отпрянул в сторону, но было уже поздно. Поднятый лебедкой груз ударился о край люка. Раздался треск дерева. Из клетки выскользнул ящик и рухнул вниз. Он со страшной силой ударил Мак Край. На плече зияла глубокая рана, оттуда хлестала кровь и проступала обнаженная кость.

Лотфи подхватил падающего товарища. Тот был в сознании. Странно, рана он еще не почувствовал боли.

— Все в порядке, ребята, — лихорадочно повторял Мак Край. — Все в порядке! Как это мне угораздило оказаться под грузом! Совсем из ума выжило...

Увидев свою руку, Мак Край потерял сознание. Лотфи снял его под грузом, но поспешно подложил ему под голову.

А час спустя делегат от грузчиков, работавших на «кунье», обходил одну бригаду докеров за другой. Была собрана уже немалая папка ассигнаций. Рабочий,

управлявший лебедкой первого люка, вынул из карманов все свои деньги и, положив их в шапку, взволнованно сказал:

— Мак стоял под самым грузом... Он кричал: «Надо объявить забастовку!». Боже мой, как же это он, старый докер, мог оказаться под самым грузом! Он был не в своем уме. Точно. Я ничего не мог сделать...

Никто не осуждал этого человека, но совестно мучило его.

А внизу, в трюме, Лотфи вынул ребакам из своей бригады:

— Чтобы никто из вас не годовал расказывать Джейм или маленькому Билли, как все случилось! Первым не простит себе этого. Ему и без того порядком досталось сегодня... Потом Лотфи добавил вполне серьезно, словно обра-

щавая к самому себе: — Клянусь богом, Мак прав: хорошая демонстрация была бы очень кстати. Пора кончать с Менансом и его подлизавыми, поджигателями войны! Столько денег на военные расходы — и ни шиллинга на образование!

На лице Лотфи была непреклонная решимость.

— Это первый сигнал, ребята, — уже громко сказал он. — Теперь вы знаете, что мы должны делать. Все, как один, — на демонстрацию!

...А в одной из зоник Ментона беспособно возвращается в крошечной молодой Билли Мак Край. Он не спал. Он думал о своем будущем.

Перевела с английского Ф. ЛУРЬЕ.

На что только не идут в капиталистических странах предпринимательские бизнесмены ради увеличения своего дохода! Выручка от обычных спортивных соревнований их уже не удовлетворяет. Все чаще устраиваются арены, ничего общего не имеющие со спортом, но приносящие множество праздных «любителей» острых ощущений.

Недавно американский журнал «Популяр Сайенс» сообщил о «нов-

шестве» в боксе. Новый вид бокса демонстрировался в Англии, в бассейне Зинглер Пул. Встреча Боксера проходила под водой, на глубине 4.5 метра. Составные состояли из двух рингов по три минуты каждый. Боксеры находились в погруженном состоянии на бокс одной минуты, ведь бой по всем правилам. В конце концов один из них был нонаттурирован и вышел из воды.

Магазин «Книги стран народной демократии», открытый в Москве на улице Горького, 15, успел завоевать широкую популярность. Об этом можно судить по количеству продавцов и день ото дня тысячи книг, то теперь продают не менее пяти тысяч.

В магазине всегда много. К прилавкам отделил, украшенных национальными знаками, подходят все новые и новые покупатели.

— Брать, пожалуйста, книгу «Ленин в Польше».

— Бершиный справочник по радиопартику.

— Есть ли у вас «Венгерско-русский научно-технический словарь»?

Спрос на литературу, особенно техническую, а также посещаемость, исключительному искусству Китая и сокровищам Древнейшей галереи, растет с каждым днем. Если требуемая книга уже распродана, продавцы предлагают огромный по количеству «Оставьте заявку, мы сделаем заказ. Как только книга будет получена, известим по почте».

Заместитель директора магазина В. М. Сеферьянов рассказывает:

— Ежедневно к нам поступает до ста писем из Ленинграда, Киева, Свердловска и других городов с просьбой выслать книги и такое же количество заявок от москвичей. Среди наших постоянных посетителей немало студентов, молодых ученых.

В магазине работает много комсомолов. Многие из них впервые стали бы прилавком. Книжки торговля — дело сложное, требующее разносторонней подготовки. Комсомолы Саша Шихидзялова, Вера Александрова, Аня Шабалкина и другие настойчиво учатся, стремясь лучше овладеть языком, изучают культуру и технику стран, книги которых продают. Молодежь помогает в учебе старшим товарищам. Так, например, товарищ В. С. Кулиша учит двух молодых продавцов познакомиться с языком.

Скоро в магазине будет организован отдел «Книжки молодежи», и тогда неминуемо продолжит свой путь, неся в разном направлении, книга привнесет от зарубежных друзей.

Надводно спортсмены Украины получили замечательный подарок в Киеве от Москвы — зимней бассейна.

Этот бассейн — один из крупнейших не только в нашей стране, но и в Европе. Длина его — пятьдесят метров, ширина — двадцать пять метров.

Вода в ванну, выложенную белым кафелем, поступает из Киевской ГЭС, в специальных приборах — бойлерах — доводится до определенной температуры и очищается при помощи изваревых фильтров. Самый воздух в помещении бассейна беспрепятственно нагревается приточно-вытяжной вентиляцией. Самыми же вентиляторами — для плывцов и стенов бассейна обогреваются.

В здании бассейна имеется много вспомогательных помещений — залы для занятий гимнастикой, акробатикой,

благотворительные душевые, так называемые «сухие бани». Все большие раздевалки рассчитаны на триста шестьдесят человек. Для отдыха оборудованы обширные специальные комнаты. В течение одного дня в бассейне могут тренироваться восемь тысяч плывцов, прыгунов, ватерполистов.

Много удобства предусмотрено и для зрителей. Просторные трибуны, выходящие по краям бассейна, вмещают до двух тысяч человек. С любого места одинаково хорошо наблюдать за развитием борьбы на водных дорожках. Днем в бассейне светят, как на стадионе, так как крыша сделана из армированного стекла.

Украинские спортсмены называют свой бассейн Дворцом водного спорта.

Н. РАЗИН

Москва — Пекин

«Москва — Пекин» — эти слова стали крылатым выражением друзей двух великих народов — советского и китайского.

Открытие прямого железнодорожного сообщения между Москвой и Пекином еще прочнее скрепило эту дружбу. Это замечательное событие легло в основу дипломной работы Виталия Богданова, выпускника Московского художественного института имени В. И. Сурикова.

Осуществляя его замысла проработали упорные поиски, кропотливая работа над портретами, композиция, Богданов занимался лепкой еще тогда, когда учился в школе рабочей молодежи, и в годы военной службы. Его вечно к монументальной скульптуре. С детства запомнившиеся ему миналардиосовые «Сюановый глинки» и «Даянда» Ююшюа восторженно великолепные скульптуры Колосовского и Андреева, Бросса и Угудина.

Участь у этих выдающихся авторов, но вначале портрет работницы, фигуру купальщицы. Но все это не удовлетворяло его. Мастерство пришло к нему, тогда поездки были четыре года учебы в институте. Его групповая скульптура «Русские воины», в которой

явно выражены сила, единство, взаимная выручка в бою, своиственные советским людям, получила высокую оценку и в институте и на выставке в Академии художеств, где она экспонировалась.

Тему дипломной работы Богданов подтолкнуло скучное газетное сообщение об открытии прямого железнодорожного пути Москва — Пекин. Дипломант углубился в литературу о Китае, встретился с людьми, которые довольно побывали на стройке. И вот первые наброски, первые варианты композиции. Сколько их было выполнено в глине, сколько отвергнуто!

После долгих поисков наконец найдено то, что ярко выражает идею единства двух великих народов: Богданов изобразил советского и китайского строителей в момент, когда они заканчивают последнее гайку, завершая работу на одном из участков строительства. Москва — Пекин.

Скульптору удалось передать лабод радостного труда, торжество нерушимой братской дружбы.

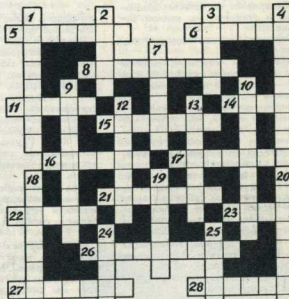
Скульптура «Москва — Пекин» получила высокую оценку экспозиционной комиссии. Она представлена на выставке дипломных работ.

Д. СМРНОВ

М. ИГНТОВ

КРОССВОРД

Составил С. Курский

По горизонтали

- Выдающийся американский писатель.
- Единица количества теплоты.
- Период роста и развития растений.
- Курорт на Черном море.
- Крупный мотор.
- Фамилия героя романа М. Шолохова «Тихий Дон».
- Платформа железнодорожной станции. Оператор Ж. Вина.
- Местное наречие, говор.
- Химический элемент.
- Посудовый материал.
- Частичное исправление, поправка.
- Остров в Балтийском море.
- Действующий вулкан в Италии.

По вертикали

- Пьеса Д. Фонзавиа.
- Современная область в Азии. Ареал мексикан.
- Механизм для подачи угля в котельную.
- Великий русский ученый-химик.
- Схематическое изображение предмета.
- Дендритное растение с висячими листьями.
- Русское имя узур на русском языке.
- Самый высокий мостов стеньга, ямалы.
- Частица с наименьшим отрицательным электрическим зарядом.
- Сорт нормальной ткани.
- Синтез стирания рабочего-строителя.
- Печь для выпалыва чугуна.
- Область в Китае.

Случай в лесу

Фото Г. Веланина.

Прошлой осенью солдаты Н-ской дивизии, продвигаясь по лесному массиву, вдруг заметили на большом дереве медведицу. Бойцы снайпы с дерева перестреляли ее, а зрелища и до того не могли понять, почему медведица оказалась здесь, для еще на дереве. Но вскоре все выяснилось. Обстоятельства лежали так: раненый лес. До него, из него вышла годовалая медведица. Благодаря приближению людей, она убежала. Бросив своего детеныша.

Подобравший солдаты медведицон быстро вырос, стал ругаться и теперь сопровождает людей, когда они отправляются на занятия. Особенно охотно идет с ними в лес.

На с ним: рядовой В. Иванов угодил медведицу сахаром.

Главный редактор М. А. Велянко.

Оформление номера В. Урина.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д-3-4-24. А 00359. Завод № 385.

Редакция: Г. Гуля, Е. Долматовский, Б. Егоров, Н. Жуков, В. Кулемин, М. Луконин.

Технический редактор Ш. Зова.

Подписано к печати 23/II 1956 г. Тираж 250 000 экз. 1,75 бум. л. — 4,8 печ. л.

Может, мы попали сюда в неудачный день? Назавтра мы снова в зале. Идут занятия гимнастикой. Вальдтине, в ней участвует... один-единственный гимнаст.

Фото А. Узалина.

В ЗНАКОМОМ ЗАЛЕ...

Просторный, с большими светлыми окнами и новыми министарами, именно таким, каким он выглядит на снимке, и рисовался в нашем воображении этот спортивный зал. Еще бы: ведь принадлежит он одному из лучших заводских спортивных комплексов страны!

Помните, как гремела слава физкультуртринеров орехово-звездного завода «Карболита»? Сколько репортеров они установили! Об успехах заводских спортсменов не раз писали в газетах. Больше того, о спортивном комплексе завода была выпущена брошюра, кому был посвящен специальный фильм.

С тех пор прошло несколько лет. Есть все основания предположить, что за это время спортивная работа на «Карболите» развернулась еще шире. Тем более, что не за границей славы народа СССР.

А впрочем: зачем гадать? Давайте лучше заглянем в знакомый нам спортивный зал «Карболита».

Он направляется к штанге и пробует выжать. Как видите, это не богатыри, которых мы ждали, а будущие. Штангу мы пока еще не подымаем.

Через несколько минут приходит «действительные» члены тимолеатической команды. Но почему их так мало? Всего только трое. Почему юноши, собравшиеся в зале, «не охвачены» тимолеатической? Ведь судя по выражению лица, этот вид спорта их явно интересует.

Через пять минут начало занятий секции тимолеатлов. С интервалом надвигаясь объекты фотоаппарата на двери. Сейчас должны войти заводские богатыри.

Но вот раскрываются двери, и в зал бегут два мальчика.

«Руководство по сдаче экзаменов»

На свете есть всякие руководства: для работников, спортсменов, огородников, фотобиблиотечных... Однако до сих пор не создано пособия для студентов.

Кое-что, правда, есть: это учебники, справочники, монографии, научные сборники. Наш же труд предназначен именно для тех, кто избегает пользоваться упомянутыми умными книжками.

Итак, приятель, ты студент. Скажи прямо не отличник. Далеко не отличник. В течение семестра ты не позволил себе устать от занятий. Твой приход на лекцию или в читальню дал всегда производим неизменный эффект.

И вот наступил ответственный день — экзамен. Скажем, экзамен по истории.

В руках у тебя билет «Война русских с шведами за побережье Балтийского моря. Полтавская битва».

Прочувшишься с почас на билетом, приходишь к выводу, что Полтавская Битва произошла в окрестностях Полтавы, соображаешь, что и этому событию вполне бы причислен Петр Первый. Припоминаешь, что в войне участвовали полтавские солдаты. Но пора идти отвечать. Ты мед-

ленно встаешь. Самостоятельно у тебя, как у Карла XII, который, как известно, бил «в начале, бледно, невдалеке».

И в этот трагический момент, когда безобидное перо в руке экзаменатора представляется тебе карачиным мечом, когда, кажется, уже ничто не может тебя спасти, на помощь неожиданно приходит рекомендуемое нами «Руководство по сдаче экзаменов».

В зависимости от наклонов, характера, темперамента, способностей и совести экзаменующего предлагаем воспользоваться одним из трех методов этого руководства.

МЕТОД № 1.

рассчитанный на то, чтобы вызвать жалость экзаменатора.

Речь у экзаменующего слезно докладывает бледно, голос понижено шепеляет:

— За Балтийское побережье была... проиграна... велась война... Это было очень давно. В старину. Еще при царях. Посчитайте мне трудно говорить: вчера была война заоблачно... передавая старушка. Я всю ночь не спала не отходила. Во время войны, состоялась Полтавская битва... В войне русские победи-

А в старом, повесил на ноль पहले, пригорюнившись, стоит тренер. Они идут спортсмены.

Как случилось, что этот великолепный спортивный зал пустует? Какую работу ведет комсомольская организация в дни подготовки иСпартакиады народов СССР?

О, эта работа поминисте грандиозна! Правда, развлекаться она не на стадионах, не в спортивных залах и заводских цехах, а в... кабинетах.

Перед секретарем комитета ВЛКСМ Беловым и председателем ДСО «Динамо» Смирновым большой лист бумаги, на котором красуются убедительные цифры:

— Культурно: 23 вида спорта...
15 спортсменов первого разряда...
183 — второго,
3545 — третьего,
130 значников ГТО II ступени...
300 — первой...
Какой размах!

Но, к сожалению, он так далек от той реальной жизни, которую мы видели в спортивном зале!

Р. КЛЕВАКИН

Из записной книжки Дедло

РЕШЕНИЕ И ВЫПОЛНЕНИЕ

— А если мы это решение не выполним...

— Ничего, примем новое.

СВЕКСЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

После концерта извещения петиции, Регина прямо из филармонии побоялась и подруге.

— И в восторге! Это восхитительно! У нее низкий каблук, платье простого покроя, а так, словно, рваный свободный, поудлинный, челпан, колорит от дождя бирюзы... Премесли!

НЕДАЛЕКИЯ

— Странно! Ивануво горняков, далеко пойдут, а остаются в Москве, в аспирантуру. Мне говорили: далеко не уедут — а работать посылать инесть куда!

Рис. В. Черникова.

решительные, глаза горят вдохновением. Начать следует немедленно.

— Историей называется наука об истории развития человеческого общества, то есть о развитии человеческого общества в историческом разрезе... Война за Балтийское побережье являлась очень важным событием. Следует отметить, что побережьем называется часть суши, окруженная с одной стороны водой. Молекула воды состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода. В большую роль сыграл Петр Первый, пор которого у великого Пушкина написана: «Его глаза сияют. Лик умасен. Движения быстры. Он прекрасен... Столица Швеции — Стокгольм. Она значительно больше Полтавы. Полтава расположена на Украине. Украинская ССР по численности населения стоит на втором месте в Советском Союзе... Таким образом, если подвести краткие итоги сказанному, война за Балтийское побережье являлась очень важным событием. Следует отметить, что побережьем называется... и т. д.

Вот противогидротический авторам мы не настаиваем на обязательном применении этого руководства. Наоборот, предлагаем «методы» мы бы даме советовать обменять записные книжки приемами.

Б. БОРИСОВ

Цена номера
2 руб.

